

НАМЕСТНИК

16+

Обложка и иллюстрации – Ольга Харитонова

Часть первая ПОХИЩЕННЫЙ

ГЛАВА 1

— ...и тогда, — голос Вербовщика понизился до заговорщицкого шепота, — и тогда вы сможете получать по золотому червонцу в день. Хотя придется вам стрелять, хоть нет.

Я с тоской оглядел забитое под завязку помещение. Когда-то это было приемное отделение больницы, лет десять назад отданной под полицейский участок. Сейчас здесь толпились полсотни патрульных — часть ночной смены, часть дневной. Те, что поумней, успели смыться домой, пока их не отловил Полковник и не приказал явиться на этот цирк. Меня вот заставил, хотя формально я ему не подчинялся. Присутствие дежурного следователя придавало мероприятию некую легитимность.

Не то чтобы оно было незаконным, если забыть о том, что Полковник состоял в доле с Вербовщиком. У последнего в карманах нарядного пиджака покоилось красиво оформленная пластиковая лицензия Федерального агентства содействия занятости. Набор наемников для зарубежных операций узаконили еще двадцать лет назад. И уже лет пять как пошли дальше, разрешив посредникам работать с силовиками.

Имени Вербовщика я не помнил, хотя он каждый раз представлялся перед тем как начать выступление. Конечно, не всегда в мое дежурство. Иногда я успевал ускользнуть на какое-нибудь убийство, а иногда специально опаздывал, чтобы пропустить пересменку. Не сказать чтобы все присутствующие разделяли мое скептическое настроение. Несколько новичков слушали агента, затаив дыхание. Молодые ребята, только после армии. Уже успевшие понять, насколько безрадостна служба полицейского в Южной Москве в две тысячи пятьдесят шестом году, несмотря на бесплатное жилье и усиленный паек.

Сегодня им предлагали сказочное приключение в далекой Нигерии, где храбрые работники «Севнефти» заключили выгоднейший для всего российского народа контракт с местными. К сожалению, правительства в африканской стране менялись практически ежегодно, и нынешние власти страдали от нападков злых повстанцев, поддерживаемых неким американским консорциумом. Бригада отважных добровольцев за полгода должна стабилизировать ситуацию и защитить нефтяные месторождения.

Червонец в день — весьма щедрая оплата. Обычно предлагалось раза в два меньше. Наверное, дело совсем плохо. О чем Вербовщик забывал упомянуть, так это о том, что из каждых десяти червонцев один причитается ему и его другу Полковнику. Два заберет государство в качестве спецналога, и еще один придется отдать за страховку. Ну, чтобы семья наемника не умерла с голоду, если тот вернется в гробу или в инвалидном кресле. Впрочем, даже немного золота все равно лучше, чем виртуальные рубли на счетах, на которые мало что можно купить.

Я посмотрел на часы. Торговец живым товаром на сей раз украл у меня лишь пятнадцать минут жизни. Бывало и хуже. Сейчас он раздавал визитки новичкам, предлагая встречу в своем офисе. Ветераны обходили гостя стороной. Я работал не так давно, но знал пятерых, не вернувшихся с миссий. Те, кто пережил шестимесячный «отпуск», предоставленный Полковником, избегали говорить об этом. Наемники работали по принципу выжженной земли — занятие малопочетное что для солдата, что для полицейского.

Вздыхнув, я побрел принимать дела. Ночью произошло восемь убийств, но следователь Саидов, по своему обыкновению, кое-как оформил лишь половину. Хорошо, что утром обычно затишье. Вторая волна пойдет к обеду, когда проснутся и выползут из своих нор в поисках добычи наркоманы. Потом время «полдника», когда педофилы выйдут на охоту на школьников, возвращающихся с занятий. С семи до десяти вечера случится около сотни разбоев, из них штук пять — с убийствами. Тоже мое. Ночью же погань делает обществу одолжение, вырезая и отстреливая друг дружку. Но и эти дела нужно оформлять.

Лифт не работал уже пару недель. Карабкаясь по лестнице на четвертый этаж, я в очередной раз проклял предшественника Полковника, в свое время решившего загнать дежурных Следственной канцелярии подальше от кабинетов руководства участка. Может, и к лучшему. После отмены наличных денег все переводы оказались под колпаком государства, и взятки теперь передавались по старинке — звонкой монетой. В долю я не хотел, так что ситуация «не вижу зла» меня вполне устраивала.

Между вторым и третьим этажом я задержался у автомата с едой. На прошлой неделе «сникеты» стоили девятьсот рублей. Сейчас на табло радостно светилась цифра «1000». С округленьцем нас. Пожалуй, пора завязывать с поддельным шоколадом, начиненным эрзац-орехами. Мрачный помятый тип, отражающийся в витрине устройства, кажется, был со мной согласен. В свои тридцать три я

выглядел... ну, где-то на тридцать три. Тоже мне, возраст Христа. Хвала генам, плечи пока нет, и живот не свисает, несмотря на пристрастие к нездоровой пище. Впрочем, на здоровую моей зарплаты давно не хватает. Стрижка ежиком, тоскливый взгляд голубых глаз под стать настроению... завидный жених, что сказать. Когда у меня последний раз было свидание? Месяц назад?

Ладно, хватит грустных мыслей. Пропустившие завтрак не выбирают. Кредитка жалобно крикнула, когда я поднес ее к устройству, а в поддон кроме вожделенного батончика выпала и банка кока-колы. Гулять так гулять.

— Александр... э-э-э... Евгеньевич... — Молодой дежурный, догнавший меня на лестнице, почему-то нервничал, и обращался по отчеству. Может, капитан юстиции по неопытности казался ему большой шишкой. — Вас это... шеф к себе приглашает. Срочно, значит.

Да уж, если утро не задалось, так не задалось.

Я не слишком удивился, увидев в кабинете Вербовщика. Полковник нечасто приглашал меня в свои покои посекретничать, так что выбранное им время не могло быть совпадением. Начальник отдела восседал за массивным столом, сияя звездами на погонах сшитого на заказ мундира, плотно облегающего его упитанные телеса. Третьего из присутствующих я не знал. Здоровенный блондин в штатском, стоявший посередине комнаты, лишь мельком взглянул на меня и снова вперил тяжелый взгляд странно-безжизненных глаз в Вербовщика. Тот сжался в кресле, ожидая продолжения неприятного разговора, начало которого я пропустил.

— А, господин капитан, заходите, заходите. — Полковник явно обрадовался моему появлению. У меня не было никакого желания участвовать в его играх, но и деваться было некуда. Видимо, его дружка прихватили на чем-то горячем, и представитель юстиции теперь должен подтвердить, что Вербовщик действовал строго в рамках закона. Что ж, дальновидные мерзавцы — не зря столько лет заставляли следователей таскаться на собрания. Ладно, будет мне должен. Может, даже похлопочет о моем переводе в менее поганый округ.

— Здравствуйте, Александр... — Вербовщик запнулся, запоматовав мое отчество, но, не слишком смутившись, продолжил: — Мы так рады, что у вас нашлось время зайти. Мы тут...

— ...пытаемся разрешить весьма деликатную ситуацию, — недовольно прервал его Полковник, давая понять, кто в комнате главный. — Это майор Василевский из Федеральной службы порядка. Из центрального аппарата. Мы уже немного побеседовали тут, и решили, что требуется ваше участие. Дмитрий Валентинович, вы введете в курс дела капитана Рогожина?

— Сами введите. — Очевидно, недружелюбие гостя из главка не ограничивалось тяжелым взглядом, которым тот сверлил Вербовщика. Майор не ответил на мое не слишком радушное «здрасьте», и почему-то упорно игнорировал несколько свободных стульев, стоявших у стены кабинета.

Я не стал следовать его примеру, и с удовольствием плюхнулся на ближайший, оказавшись за спиной Василевского.

— Саша, вы помните лейтенанта Алычкова и сержанта Донского? — издали зашел Полковник, перейдя на менее формальный тон.

— Ну-у-у... — протянул я. Мой круг общения состоял в основном из местных сыщиков да ребят из дежурки. Конечно, с патрульными я тоже пересекался, но по именам не знал и десятка.

— Главное, они вас знают, — быстро сориентировался полицейский. — Пять месяцев назад я предоставил им отпуск по личным обстоятельствам. Они решили воспользоваться предложением Сергея, и провести его в качестве вольнонаемной охраны. В Венесуэле. Вы наверняка знаете, что там идет небольшой спор из-за нефтяных месторождений.

Теперь я разжился именем Вербовщика, и еще кучей бесполезной информации. Двое подчиненных Полковника что-то натворили в далекой Венесуэле. Даже интересно, что именно, чтобы сюда приперся майор ФСП. Вряд ли просто померли — это дело банальное. И почему присутствующим важно, что эти горе-вояки знают меня?

— Все было строго законно, — робко подал голос Вербовщик. — Все документы оформлены правильно. Они прибыли на место, и приступили к работе...

— Заткнитесь. — Василевский говорил негромко, но Вербовщик, сам под метр девяносто ростом, снова съехался в кресле, удивительным образом умудряясь выглядеть мелким и незначительным. Поразительный контраст с человеком, который лишь четверть часа назад виртуозно обрабатывал аудиторию с трибуны, и в тот момент многим казался чуть ли не мессией, ниспосланным небесами, чтобы изменить их жизни.

Что-то в фээспэшнике меня беспокоило. Не внешность, хотя собранные сзади в хвост длинные светлые волосы наверняка многих раздражали в его консервативной конторе. Не элитный итальянский

костюм, и не странные, но по виду жутко дорогие часы на руке. В конце концов, решала такого уровня должен отменно зарабатывать. И даже не хамство, хотя среди его коллег вкрадчиво-угрожающий тон популярнее грубых наездов.

Что-то неестественно в его поведении. Почему он стоит посередине комнаты, когда остальные трое сидят? Почему спиной ко мне? Демонстрирует свое пренебрежение? Так они позвали меня, чтобы просить об одолжении. Следственная канцелярия не подчиняется ни полиции, ни ФСБ. Ну, во всяком случае, технически. Ладно я, так он даже не смотрит на Полковника, когда тот говорит. Гипнотизирует взглядом Вербовщика, но зачем? Тот и без того ни жив ни мертв. Его уговаривать ни на что не нужно — попав в немилость федералов, посредник лишится всего, начиная с лицензии.

— В общем, — прервал мои размышления голос Полковника, — все было нормально. Ребята работали, получали жалованье. Семьям писали. А пару месяцев назад пропали на задании. Мы с Сергеем это дело особо не афишировали. Бывает, народ в самоволку уходит. Ну или в плен попадает, да. Тогда требуют обмен, или выкуп. Страховка есть на этот случай. И вот, значит, нашлись две недели назад. В Аргентине. Взятые в плен, когда местные разгромили чилийцев в Патагонии. Такие дела.

Да уж, беспокойство собравшихся теперь стало мне понятно. Давить повстанцев в Венесуэле — это одно. Но подчиненные Полковника решили схалтурить и поучаствовать в войне, запретной для российских наемников. За чилийцами стоял контролирующей половину Латинской Америки клан Гутьерес, а правительство Аргентины поддерживали Североамериканские штаты. Москва занимала нейтральную позицию. Старая сделка — мы не лезем в Западное полушарие, кроме пары традиционных клиентов вроде Венесуэлы, а янко-канадцы — в Среднюю Азию. Попахивало скандалом. Верхи потребуют крови всех замешанных. Хорошо, что это не моя проблема.

— Крайне прискорбно, — лениво заметил я. — Только меня не было в тот день, когда набирали в Венесуэлу. Не мое дежурство, знаете ли. Ничего об этом не знаю. И показаний дать не смогу...

— Дело не в этом, — нетерпеливо перебил меня Полковник. — Не надо никаких показаний. Пресса пока не пронюхала. Аргентинцы предложили заплатить выкуп, наши согласились. Майор должен совершить обмен. Но есть некоторые осложнения...

— Они отказываются ехать. — Василевский наконец соизволил принять участие в беседе. — И не только эти двое. Всего захватили пять человек. Еще один из Нацгвардии и двое из нашего спецназа. Вы понимаете, что это значит?

Конечно, я понимал и это. Будет не просто скандал, а локальный политический апокалипсис. Спецназовцы ФСБ наемниками служить не могли. Если они оказывались за рубежом, то лишь по воле партии и правительства. Кто-то наверху решил поддержать Гутьересов, что вполне могло поставить под угрозу статус-кво у наших собственных границ. Я затравленно посмотрел на дверь. И вот зачем я ее открыл десять минут назад?

Пятеро бойцов отказывались ехать, поскольку подозревали, что живыми домой им не добраться. Мудро с их стороны. Я тоже считал себя если не мудрым, то предусмотрительным. Это значило, что мне нужно держаться от подобных историй как можно дальше. Только вот поздно — белобрысая сволочь в центре комнаты уже сделала из меня опасного свидетеля. Теперь он пялился на меня, как лягушка на комара. Видно, уже прикидывает, каким способом станет от меня избавляться, когда придет время. Наверняка любит баловаться с ножичками или душить народ голыми руками.

— Они думают, что их убьют, — продолжил майор, не дождавшись ответа на свой риторический вопрос. — Двое из них знают вас. У вас есть определенная репутация среди личного состава. Вы поможете мне убедить их, они убедят оставшуюся троицу. Насколько нам известно, их содержат вместе.

— А потом? — Фээспэшник играл в откровенность, и я решил отплатить ему тем же. — Их мирно отпустят по домам? И меня тоже? Не десантируют из подводной лодки на глубине в двести метров? Не сбросят с самолета без парашюта над Атлантикой?

— Нет. — Я думал, что он разовьет свою мысль, но Василевский просто замолчал. Мощный ход. Не иначе что-то из психологического арсенала ФСБ. «Нет» — и точка.

— Мы все здесь взрослые люди, — поспешил вмешаться Полковник, на которого «нет» гостя тоже вряд ли произвело впечатление. — Все понимаем, как работает политика на таком уровне. Майор убедил нас, что таких указаний не имеет. Проблемы возможны, пока ребята в плену. Как только они приземлятся в Москве, вопрос будет исчерпан — и для них, и для нас. Даже если кто-то станет болтать по пьяни — никто и внимания не обратит. Некоторых бывалых послушать, так они чуть ли не Вашингтон брали и на Эйфелеву башню высаживались. А главное — американцы уже в курсе. И им огласка тоже сейчас не нужна. Но некоторые в аргентинском правительстве не прочь раздуть историю. Это может случиться, если кто-то из пяти запросит убежище. Нужно действовать быстро.

— Вылет завтра утром. — Василевский вновь злобно уставился на Вербовщика, будто считал того единолично виновным в происходящем. — С вашим начальством договорятся. От дежурства вы освобождаетесь. Езжайте домой, собирайтесь. Много вещей не берите, оружие оставьте. Я пришло машину к семи часам.

Мой «ягуар» медленно полз в пробке, пробираясь к центру города. Купленная восемь лет назад машина давно стала мне не по карману. Как и квартира в «исторической» зоне города, огражденной от периферийных гетто Третьим транспортным кольцом. Но я сохранил и то и другое, хотя содержание жилья и авто пожирало процентов восемьдесят зарплаты. Многие считали меня снобом. Может, они были правы. Или мне просто не хотелось рисковать каждый день жизнью, возвращаясь домой на метро или выходя вечером за водой в одном из городских гетто.

Пожалуй, самое время подумать о завещании. Автомобиль пусть достанется Ане. Скоро три года, как мы расстались, но она еще не замужем. Вряд ли из-за меня. Просто стала разборчивее. Я ее не винил — жить со следователем не то же самое, что с юристом «Росгаза», получающим жалованье в червонцах. Хорошо, что удалось найти хоть такую работу. Воспоминания натолкнули меня на бредовую идею. Я покрутил ее в голове и так и эдак. Менее бредовой она не стала, но что терять человеку на полпути к кладбищу?

— Добрый день, слушаю вас. — Голос девушки в динамике звучал приятно, но представиться она не сочла нужным.

— Это Рогожин из Следственной канцелярии. — Надеюсь, мой голос звучал достаточно важно. — Мне бы поговорить с Константином Сергеевичем.

— У Константина Сергеевича сейчас совещание. — Вряд ли мне удалось обмануть опытную помощницу, но даже если она и занесла меня в категорию «незначимый надоедала», то никак не дала этого понять. — Ему что-нибудь передать?

— Да... Передайте, что я хотел бы с ним пообедать сегодня, и обсудить одно срочное дело. В любом месте, где ему удобно. Рогожин. Следственная канцелярия.

— Хорошо. Я обязательно передам вам его ответ.

Надо же, какая любезность.

— Спасибо большое, — искренне сказал я, но девушка на другом конце линии уже отключилась.

Я подумал о том, как она выглядит. Наверное, отлично. Голубоглазая блондинка с фигурой модели. Нет, лучше брюнетка. В любом случае, ее босс может позволить себе лучшее.

Машина резко затормозила, прервав мои эротические мечты. Я тихо обругал автопилот и выглянул в окно. Неспешно двигавшийся до того поток теперь совершенно замер.

— Показать дорогу впереди. — Я так и не понял, почему отдал эту команду. Никогда раньше этого не делал, хотя не раз оказывался запертым в стоячих пробках на часы. Какой смысл интересоваться тем, на что не можешь повлиять?

Как сотрудник Следственной канцелярии я имел немедленный доступ ко всем камерам, полностью покрывающим дороги мегаполиса. Незаменимая вещь при расследованиях, но я еще не пользовался этой функцией из «ягуара». Лобовое стекло затемнилось, чтобы вывести запрошенную информацию, но изображение состояло лишь из прерывистых всполохов. Похоже, установленная пару лет назад программа нуждалась в отладке. Или надо обновить пароли специально для машины.

— Показать через спутник. — Я не слишком рассчитывал на успешное выполнение запроса. Если уж доступа к камерам нет, логично предположить, что и со спутника картинки не будет.

Тем не менее, уже через секунду на лобовом вспыхнуло изображение дороги. Слишком мелко, чтобы разглядеть детали, но пробка начиналась совсем недалеко от того места, где застрял я.

— Показать крупно на километр вперед. — Техника не подвела, и изображение со спутника медленно увеличилось. Огромный грузовик, развернувшись перпендикулярно потоку, перегородил одиннадцать полос из двенадцати. Как это его угораздило? Следов аварии не видно. Может быть, она скрыта под пешеходным мостом, в паре десятков метров от которого замер автопоезд? Сам мост перекрыт с обеих сторон треугольными знаками дорожной службы, на нем копошатся трое в светоотражающих жилетах. Что они делают? Троица явно решала какую-то техническую проблему с двухметровым отрезком трубы, пытаясь приладить что-то с одного из концов. Наконец, им это удалось, и один из рабочих поднялся в полный рост, взгромоздив устройство себе на плечо.

— Вверх, вверх на максимум! — фальцетом завизжал ставший незнакомым голос в кабине. Нет, компьютер не станет выполнять незаконный с точки зрения ПДД приказ. Трясущийся палец лишь со второй попытки попал в кнопку отключения автопилота, пока вторая рука судорожно срывала пломбу с рычага вертикального взлета. На себя, до упора. «Ягуар» недовольно фыркнул, но подчинился команде,

не спеша оторвавшись от земли. Я был в полусотне метров над поверхностью, когда пущенная с моста ракета превратила дорогу подо мной в огненный ад.

ГЛАВА 2

Наплевав на запрет полетов в городской черте, я пролетел еще несколько километров, приземлившись возле КПП на границе с «исторической» зоной, в просторечии именуемой «зеленкой». То ли из-за обилия деревьев и относительно чистого воздуха в центре, то ли из-за недоступности для посторонних на манер «зеленых» зон, которые американцы любят устраивать в оккупированных городах.

Сержант на въезде важным жестом попытался загнать меня в отстойник для нарушителей, наверняка предвкушая жирную взятку от решившегося полетать мажора. Удостоверение Следственной канцелярии вкуче с надменным заявлением о том, что я спешу на важную встречу, его обескуражили. Он, конечно, мог пойти на принцип и поставить авто на прикол. Но следователь на «ягуаре» и с местом проживания в центре города, возможно, имел связи, способные доставить серьезные неприятности обычному патрульному.

Его сомнения разрешил сигнал террористической тревоги, взывший на КПП. Информация о взрыве пошла по цепочке. Вновь надувшись от осознания собственной значимости, сержант повелительно махнул мне рукой, предлагая следовать дальше, и побежал ориентировать рядовой состав на ловлю неизвестных преступников.

Едва я успел отъехать от КПП, как вздрогнул от звонка коммуникатора. Черт, надо заменить мелодию на что-то более спокойное, с такими-то нервишками.

— Капитан Рогожин? — Я не называл своего звания при нашей последней беседе, но хорошая помощница большого человека, разумеется, знает все. — Константин Сергеевич готов встретиться с вами через полчаса в ресторане «Столыпин». Столик заказан на ваше имя.

— Как вас зовут? — неожиданно для самого себя выпалил я.

— Олеся. — Она негромко рассмеялась. — Хорошо вам пообедать, капитан.

Меня все еще трясло, когда я входил в ресторан. Неправдоподобно элегантная хостес проводила меня к столику, откуда мне пришлось сразу ретироваться в туалет, не успев заказать даже напитки. Нет, я не обмочился, не обделался, и меня не рвало на манер героев плохих фильмов. Но дрожь в руках и пунцовый цвет лица не исчезли и после трехкратного умывания ледяной водой. Говорят, большинство от страха бледнеет. Ну, я вот краснел.

Когда я вернулся к столику, он уже восседал в кресле, углубившись в меню. По углам пустующего ресторана, неудачно притворяясь предметами обстановки, расположились здоровенные жлобы из охраны. Мы не встречались лет пять, но он почти не изменился — все та же дородная фигура в дорогом костюме, седые волосы, косматые брови над старомодными очками, за которым прячутся умные и насмешливо-циничные глаза. Для своих шестидесяти пяти он выглядел совсем неплохо.

— Здравия желаю, товарищ генерал, — пробормотал я.

— Ну и ты здравствуй, Саша. — Константин Сергеевич со вздохом отложил меню, и задумчиво уставился на меня. — Видок у тебя что-то не очень. Не каждый день, видать, в тебя ракетами пуляют.

С момента нападения прошло менее часа, но генерал ФСП явно располагал источниками получше чем полиция. А может, и та уже разыскивала таинственно упорхнувший с места взрыва «ягуар». Машину я бросил на парковке торгового центра далеко от места встречи. Отследить меня до ресторана займет какое-то время. Да и здесь я под защитой своего собеседника. Чем Константин Сергеевич Стоцкий занимался в ФСП, я точно не знал. Его фамилия не значилась среди заместителей директора или руководителей департаментов ведомства, красующихся на официальном сайте. Как я подозревал, он курировал специальные проекты. Те самые, о которых никому знать не положено. А следовательно, он тот, кто мне нужен.

— Занятно, что спалить тебя пытались через несколько минут после звонка мне, — генерал не дождался моего ответа и сразу перешел к делу. — Надеюсь, ты не думаешь, что это мы? Даже я не смог бы повернуть все так быстро. И вообще, было бы проще тебе чего-нибудь в бокал плеснуть, пока ты в туалете торчишь.

Я с ужасом посмотрел на стакан воды, заботливо налитый кем-то, пока я освежался в уборной. Веселые пузырьки, стремящиеся к поверхности, вовсе не напоминали кислоту. Да и не стал бы чиновник такого ранга пачкать руки. Наверное.

— Мне без газа, пожалуйста, — я подозвал замершего в дальнем конце зала официанта.

Старик противно захихикал. Ну и черт с ним.

— Думаю, вы уже знаете, почему я звонил вам. — Идя в ресторан, я долго думал над светским началом встречи, мучительно пытаюсь вспомнить имя и отчество супруги генерала. Его единственную дочь Веронику я помнил прекрасно. Мы даже встречались какое-то время, когда нам было по шестнадцать. Одноклассники, чьи родители дружат семьями. Но собеседник первым перешел к делу, избавив меня от бремени разговоров о семье.

— Без понятия, — весело отозвался Стоцкий. — Но теперь, когда тебя пытались порешить ракетой на федеральной трассе, мне очень интересно. Кстати, погибло двенадцать человек. Первый крупный теракт в городе за полгода.

Наверняка жлет. С чего бы он так быстро согласился встретиться, не будь в курсе? Но он оставался моей единственной надеждой выпутаться из этой истории, и я рассказал об утренней встрече.

Генералу уже успели принести закуску — паштет из печени какой-то диковинной утки, за не менее диковинные деньги. Он не спеша намазывал его на свежесдобитый хлеб, рублей по пятьсот за кусочек, и так же задумчиво поглощал.

— Бред, — наконец вынес свой вердикт гуру нацбезопасности. — Нет у нас никакого майора Василевского. И вообще никого, кто соответствовал бы твоему описанию. Во всяком случае, среди людей, которым могли бы поручить подобное задание.

— Я проверил его удостоверение в полицейском сканере, — сообщил я. — Подлинность подтверждена, допуск Ф1. Всем надлежит оказывать полное содействие, и так далее.

— Ты вообще в курсе, чем я занимаюсь? — поинтересовался генерал. — Может, думаешь, что я любимый партнер директора по гольфу? Нет, Саша. Я как раз тот самый человек в нашей стране, который разгребает всякую хрень, что не показывают по телевизору. Не один я, само собой. Есть еще парочка, каждый со своим огородом. Я по внутренним делам. Есть человек по внешним, есть человек по экономике. Но если бы кто послал спецназ ФСБ в хренову Аргентину, я б уж знал, поверь на слово. Тем паче, если бы там взяли пятерых пленных, и требовали выкуп. А оперативник — два метра, с длинными волосами? Да кто б такого до деликатной работы допустил? Ты любого из моих ребят внятно описать не сможешь, хоть ты трижды следователь. Все среднего росточка и сложения. Если у кого и были какие особенности, хирурги давно с ними разобрались.

— Отлично, — пробормотал я. — Значит, этот тип не из ваших, и вся история — липа. Мне-то теперь что делать?

— Ну почему обязательно сразу липа... — Старик отправил в рот последний кусок хлеба с паштетом и знаком велел официанту нести следующее блюдо. — Пленные наверняка есть. Зачем-то же ты им понадобился? Видно, двое и правда ваши менты. А вот кто остальные — вопрос интересный. Имя Махмуд Валеев тебе знакомо?

Я неохотно кивнул. Господин Валеев не являлся самой яркой звездой олигархического небосвода страны. Тем не менее, сколько-то миллиардов у него имелось.

— У него два сына. — Официант притащил огромный стейк на дощечке, и генерал прервался, чтобы разрезать его посередине, после чего, удовлетворенно хмыкнув, продолжил: — Старший, Асланбек, несколько месяцев назад исчез. Слухи ходили разные. По моим данным, юноша отправился на священную войну с американскими собаками. И пропал. Папаша, само собой, нанял людей, чтобы отыскать свое чадо, но в органы не обращался.

— Думаете, меня подрядили его выкупать? — с сомнением спросил я. — Ему-то бояться нечего — покажут видео с приветом от папы, сам в самолет запрыгнет.

— Тебя подрядили для того, о чем и говорили на встрече — убедить вернуться двух ментов. Нашим или людям Валеева они не поверят, если не совсем дураки. Видно, их и правда держат всех вместе. А значит, твои менты могут разболтать, что младший Валеев незаконно наемничал в Латинской Америке. У его папаша врагов немало, раздуют скандал. Сын сядет, и надолго. К тому же Махмуд ведет дела с американцами и саудитами в Заливе. Нехорошо получится, если узнают, что сынок воевал против них.

— По вашей логике, четверых пленных выкупают лишь с одной целью.

— Совершенно верно. Это ненужные свидетели. И посторонние, связанные с ними — тоже. Никого из вас живым домой не довезут.

— Ты что-то все о главном не спросишь. — Генерал теперь медленно расчленил стейк на множество аккуратных квадратиков. Похоже, этот процесс доставлял ему не меньше удовольствия, чем сама еда.

— Это о чем? — Оказывается, меня хотели не просто втравить в неприятную историю, но и умертвить.

— Кто пытался подпалить тебя на трассе. — Старик с укором взглянул на меня из-под спущившихся на кончик носа очков. — Только не говори, что тебя это не волнует.

— Очевидно, некто не желающий, чтобы я сел в самолет до Аргентины, — рассудил я. — Непонятно только, зачем такие сложности. Могли бы рассказать мне то же, что и вы. Я к этому самолету теперь на пушечный выстрел не подойду. Если подумать, то я очень плохо себя чувствую. Грипп, не иначе. Слягу на недельку прямо с завтрашнего дня.

— Нет, так не пойдет. — Стоцкий отправил в рот один из мясных квадратиков. — Ты ведь уже согласился, тебя ждут на деле государственной важности.

— Какой важности? — ошалело поинтересовался я. — Это же кодла самозванцев на службе у олигарха. Которая ликвидирует меня, как только перестану быть им нужен. А другие прикончат только за то, что я согласился участвовать в мероприятии.

— Разве возвращение пятерых граждан России на Родину — не дело государственной важности? — с упреком заметил генерал. — Вы, Александр Евгеньевич, между прочим, государственный служащий. Обязаны блюсти интересы нашей страны; не? А побочные эффекты, уверен, можно предотвратить.

— Я не рыцарь плаща и кинжала, — огрызнулся я. — В мои служебные функции подобные задания не входят. Как, интересно, вы помешаете им избавиться от меня и от других?

— Очень просто, — ухмыльнулся старик. — Позвоню сейчас Валееву и сообщу, что ФСБ все знает о его маленькой операции. И мы не против, при одном условии — все должны вернуться живыми-здоровыми. Он не посмеет ослушаться. И, в конце концов, это именно то, что хотел твой Василевский.

— Чего-чего он хотел? — Собеседнику таки удалось совершенно меня запутать.

— Эх, Саша, — вздохнул Стоцкий. — Хорошо, что ты не пошел по нашей линии, с такой-то сообразительностью. Ты что, правда думаешь, что тебя позвали, чтобы кого-то там уговаривать? Тебя позвали, потому что этот Василевский не хотел пачкаться мокрыми делами. Но он должен выполнить задание. Что он делает? Зовет следователя, по биографии и репутации которого понятно, что тот сразу побежит в ФСБ. Контора надавит на Валеева, и убивать никого не придется.

— И откуда же он мог знать, что вы просто не арестуете его за присвоение полномочий?

— Судя по всему, он хорошо представляет себе, как функционирует контора. Нам тоже не нужны пленные русские в Аргентине. Если кто-то хочет решить эту проблему за нас — мы только «за».

— Ну, если мне не нужно никого уговаривать, то я свою функцию выполнил, — с облегчением констатировал я. — Василевскому я теперь не нужен. Значит, мне можно не лететь.

— Нельзя. — Генерал нанизал на вилку пару кусков мяса и некоторое время задумчиво их рассматривал. — Теперь ты полетишь, чтобы проследить, что все прошло как положено. Без твоего присутствия они могут все же порешить четверых пленных. Скажут, что это аргентинцы.

— А если я откажусь? — Я понимал, что мне не понравится ответ, но как же не хотелось связываться с этот шпионский триллер...

— Тогда я задержу тебя по подозрению в соучастии в утреннем теракте. Ты ведь так удобно упорхнул прямо перед выстрелом... Расскажешь о том, почему это произошло, тройке по террористическим делам. Когда они до тебя доберутся. После годика в «Лефортово».

ГЛАВА 3

Звонок был оглушительным. Он заполнял всю квартиру, доставляя невыносимые муки с трудом пробуждающемуся организму. Не ласковая мелодия домофона, не тихий шелест коммуникатора. Кто-то остервенело жал на кнопку у входной двери. Ну кто, скажите на милость, в наше время пользуется дверным звонком?

Я со стоном выполз из-под одеяла. Часы на тумбочке показывали «5:45». Это не может быть посланец Василевского — выезд назначен на семь утра. У меня еще добрый час законного сна. Звонок не унимался. Добредя до прихожей, я активировал панель наблюдения. На экране возник невысокий тщедушный мужчина лет сорока, с тщательно расчесанными черными волосами, одетый в строгий деловой костюм. В отливающих голубым солнцезащитных очках.

Я бы прыснул, но этот персонаж явно был каким-то образом связан с предстоящей мне самоубийственной миссией. Посему я лишь ткнул в кнопку на панели и раздраженно поинтересовался:

— Чего?

— Меня послаля майор Василевский, — бодро отрапортовал пришелец, ничуть не смутившись моего недружелюбного тона. — Время ехать.

— До времени еще больше часа, — недовольно буркнул я. — Если у вас с майором бессонница, то у меня нет.

— Пляны изменились, — субъект лучезарно улыбнулся. — Надо ехать сейчас. В городе введен антитеррористический режим.

По-русски он говорил правильно, но с каким-то едва уловимым акцентом, напоминающим прибалтийский. В словах гостя имелся некий смысл. Особенно если знать, что Василевский такой же фээспэшник, как я — саудовский принц. Хотя если мой сопровождающий умудрился просочиться мимо бдительного консьержа, значит, у него тоже имелась какая-то убедительная корочка, пусть и липовая.

— Спустишь через двадцать минут. — Я сразу отключил звук домофона. Незванный гость пару секунд потоптался на пороге и направился к лифтам. Если он рассчитывал на приглашение в квартиру, то зря.

Наверное, я сжег целое состояние под десятиминутным душем. Ну и черт с ним. Может, это моя последняя водная процедура, если не считать перспективы искупаться в Атлантике. Подхватив загодя приготовленный рюкзак с самым необходимым, я спустился вниз.

— Александр Евгеньевич, я не мог его не пустить, — виновато прошептал Иваныч, карауливший вход в подъезд. — У него документы ого-го.

— Все в порядке, — успокоил я старика. — Мы с ним коллеги.

Автомат с едой в холле был куда лучше собрата в полицейском участке. И дороже. Но меня опять лишили возможности позавтракать горячим, и желудок недовольно урчал, требуя подношений. «Сникетов» не было, пришлось обойтись менее любимыми «Баунти Твикс». Подумав, я заказал пять штук. Василевский намекнул при расставании, что мое содействие операции будет щедро вознаграждено, причем золотом. Если так, в экономии нет нужды. Если нет — в ближайшем будущем баланс кредитки станет наименьшей из моих проблем.

— ...перемещается от Парижа в неизвестном направлении. Впервые за два месяца жители французской столицы увидят солнце... — Консьерж случайно врубил звук, и теперь видеоряд на огромной панели в холле сопровождался пояснениями комментаторов утренних новостей.

— Я сейчас, сейчас, — засуетился Иваныч, пытаясь найти нужную кнопку на пульте. Управляющий запрещал использовать панель для просмотра телевидения, но старик был подслеповат и любил побаловать себя большой картинкой, когда жильцы спали. В подъезде редко кто выползал на работу раньше восьми утра. Да и вообще мало кто утруждал себя этой самой работой.

— Оставь и не переживай. — Поняв, о чем говорят в выпуске, я замешкался в дверях. Это могло повлиять на мою сегодняшнюю поездку.

— Улетели от французов, — увидев мою заинтересованность, Иваныч поспешил поделиться новостями, просмотренными за ночь. — Куда-то на юг двинули, через Средиземное море. Эксперты говорят, что на Каир. А я вот думаю, что на Тегеран.

Я знал, что старик и сам эксперт почище многих. Да и не было их, настоящих экспертов. Не в этом вопросе. Загнивающей цивилизации образца две тысячи пятьдесят четвертого года только пришельцев не хватало. Впрочем, какое-то время после того как гигантский диск выплыл из черной тучи над Нью-Йорком, многие тешили себя надеждой на то, что к нам прибыли спасители. Случайно вызвавшие Великую панику, чуть окончательно не доконавшую мировую экономику.

Кто они? Захватчики? Исследователи? Наблюдатели? Два года обсуждений и гипотез от армии материализовавшихся на телевидении «специалистов». Паника утихла, когда корабль, повисев пару недель над обезлюдевшим Нью-Йорком, переместился к Пекину. Китайцы тоже эвакуировали столицу, но и там не произошло ровным счетом ничего интересного. Никаких атомных торпед, лучей смерти, боевых треног и зеленых человечков. Пришельцы ничего не сбрасывали на поверхность. Их корабль не оставлял радиоактивных следов, и вообще не излучал ничего опасного. Еще они не отвечали на попытки контакта. Ни на одну.

Крупные города продолжали эвакуировать по мере того как диск менял свою дислокацию. Сидней, Мумбаи, Бангкок, Владивосток, Ташкент, Берлин, Кейптаун. Первыми отказались покидать свои дома жители Рио-де-Жанейро. Звездолет и сопровождающая его черная туча висели над городом три недели, погрузив его улицы во мрак. Но никто из жителей не заболел неизвестными болезнями и не умер по непонятным причинам. Никто не исчез в недрах корабля, чтобы вернуться и рассказать о проводившихся над ним большеглазыми гуманоидами опытах. Как и в предыдущих случаях, пришельцы просто ушли, проигнорировав трансляции на всех возможных частотах и масштабное звуковое и визуальное шоу, которое для них в каждом городе устраивала спешно созванная комиссия ООН.

Последний год эвакуации уже не проводились. Местные жители бурчали по поводу круглосуточной ночи и подсчитывали барыши от сотен тысяч туристов и паломников, послушно

следующих за кораблем в надежде стать свидетелями чуда контакта. Власти теперь лишь констатировали перемещение объекта из точки «А» в точку «Б». А комиссия ООН после многомесячных совещаний пришла к выводу, что звездолет является автоматическим зондом, занимающимся сбором информации. Иначе с чего бы представители высшей цивилизации стали игнорировать попытки пообщаться? Мысли о том, что им может быть просто не интересно ничего из того, что могут поведать земляне, в официальных коммюнике места не нашлось.

Проблема состояла в том, что многие государства закрывали воздушное пространство на время маневров «зонда». И как, интересно, господин Василевский собирается пересечь регион Средиземноморья, если над ним сейчас не осмеливается летать даже военная авиация? Может, миссию отложат? Хорошо бы...

Машину мой провожатый запарковал прямо перед входом, аккуратно под знаком «Остановка запрещена». Я почему-то ожидал увидеть лимузин или что-то столь же пафосное. Ничего подобного — меня ждал обычный черный «форд», правда, довольно официального вида. Я плюхнулся на заднее сиденье, бросив рюкзак рядом.

— По назначению, — скомандовал водитель автопилоту, и машина мягко стартовала.

— У вас имя есть? — поинтересовался я.

— Можете звать меня Макс. — Он даже не пытался притвориться, что имя настоящее.

— А в корочке что написано, если нас остановят? — не унимался я.

— Написано: «Капитан Федеральной службы порядка Олег Сергеевич Пушкин», — усмехнулся провожатый. Очки он не снимал даже в машине, несмотря на ранний час и тонированные стекла. — Но нас никто не остановит.

Действительно, несмотря на обилие патрулей на улицах, мы двигались беспрепятственно. Василевский явно мог организовать не только отличные липовые документы, но и авто с «правильными» номерами и опознавательными сигналами. Интересно, в какую сумму подобные услуги обходятся господину Валееву?

Менее чем через час мы проскочили в открытые ворота Внуково, въехав прямо на взлетно-посадочную полосу для частных джетов. Макс принял управление на себя и подрулил к небольшому самолету, на фюзеляже которого красовалась эмблема в виде земного шара с неразборчивой надписью готическим шрифтом.

— Ну вот, — объявил «капитан», — все уже на борту, ждут нас.

Он бодро выскочил наружу и быстро направился к спущенному трапу. Выбора не было, и я последовал за ним.

— Я не хотеть есть вишенка, — низкий утробный голос Амбала вполне соответствовал его внешности.

— Напрасно, — Макс уже минут десять лениво препирался с попутчиком, — вишенка очень вкусная.

Я так и не понял, издевается ли он над здоровяком или действительно хочет дать тому дельный совет. У Макса, в отличие от прочих пассажиров джета, имелось довольно своеобразное чувство юмора.

Амбала мне представили как капитана Григорьева, что было совершенно нелепо. По-русски этот персонаж не говорил вовсе, и общался с окружающими на ломаном английском. Какое-то время я развлекал себя тем, что пытался угадать его национальность, но потом бросил это занятие. Темно-коричневая кожа и короткие черные волосы давали повод задуматься о латиноамериканском или ближневосточном происхождении. Первое звучало вполне логично, с учетом места назначения полета. Только вот мое «Como estas?», судя по всему, не было понято, и осталось без ответа. А может, мне просто попался редкий хам.

«Амбалом» за глаза его окрестил я, поскольку в отличие от Макса он не пожелал сообщить никакой клички, пригодной для человеческого общения. Его роль в операции, тем не менее, была очевидна. Ростом он почти не уступал Василевскому, и камуфляж пошел бы ему куда лучше, чем модный пиджак в тонкую полоску. В «комплект наемника» наверняка входил и тяжелый взгляд из-под кустистых бровей, но убедиться в этом я не мог. Как и Макс, субъект не снимал солнцезащитные очки даже в салоне самолета.

Коктейли всем присутствующим смешивал сам коротышка, причем делал это мастерски. Моделей-бортпроводниц в частном джете почему-то не обнаружилось. Секретность, не иначе. Я не жаловался, заказав и получив отличный мохито. Расположившийся в одиночестве в передней части салона Василевский, насколько я видел, потягивал воду, читая что-то на необычно толстом планшете. Вербовщик также отказался от спиртного, предпочтя ему колу в запечатанной бутылке. Бедняга,

похоже, до сих пор был ни жив ни мертв от страха. Я не стал обнадеживать его тем, что нашу безопасность теперь гарантирует великая и могучая ФСП. Пусть помучается.

Бортпроводницами нас обделили, но что за шпионская миссия без роковой красотки? Представили ее как Ирину, переводчицу. Тестировать испанский новой знакомой я не стал. На переводчицу она была похоже не больше, чем Амбал — на специалиста по связям с общественностью или Макс — на капитана ФСП. Нет, конечно, переводчица вполне может быть рыжеволосой, белокожей, высокой и стройной. Она также может предпочитать носить брючный костюм, и темные очки при искусственном освещении. В конце концов, троица подручных Василевского могла хорошо погулять накануне миссии. Так, что теперь и софиты в стенах режут им глаза. Только вот от Ирины, как и от Амбала, и от их босса «майора» веяло жутью, и темные очки здесь были ни при чем. За пять лет службы я насмотрелся на убийц, и хорошо понимал, что сейчас нахожусь в компании людей, для которых моя жизнь значит куда меньше, чем вишенка в коктейле Амбала.

Макс травил байки. Вот он делит ужин с папуасами в джунглях, вот он ручкается с президентом США, вот участвует в переговорах с каким-то арабскими шейхами. Звучали они совершенно неправдоподобно, но меня не покидало ощущение, что попроси я доказательств, рассказчик тут же охотно продемонстрирует тысячи фотографий и видеозаписей. В отличие от прочих членов команды, он вовсе не выглядел монстром. Для мальчика на побегушках у него многовато чувства собственного достоинства. Правая рука босса? Переводчик? Техподдержка? Без хорошего технаря сейчас никуда.

Иллюминаторы в салоне затемнили, а показатели полета на мониторы салона не выводились. Летели мы уже больше часа, когда я задал мучивший меня с момента взлета вопрос:

— Мы сделаем крюк над Европой? Гости ночью двинулись от Парижа на юг.

— Гости? — Макс не сразу понял, о чем речь. — Ах да, это... Не волнуйтесь. Наш маршрут пройдет гораздо севернее. Гораздо.

— Ну, главное, не опоздать в Аргентину. А то господин Валеев расстроится. — Не то чтобы я не доверял Стоцкому, но попутчикам стоит знать, что они везут не идиота, вслепую подписавшегося на самоубийство.

— Аргентина? — Ирина сняла очки, и я понял, что заставляет ее носить их при любом освещении. Я никогда не видел ничего подобного. На меня смотрели два неправдоподобно зеленых глаза. Контактные линзы, меняющие или усиливающие цвета радужной оболочки, давно перестали быть новостью, но это... Романтик бы использовал эпитеты вроде «бездонные», «завораживающие» или «манящие». Следователь в моем лице подумал о специальных линзах для прицельной стрельбы и о встроенной функции ночного видения. Объясняет темные очки всей троицы. Возможно, они готовят зрение к операции в кромешной тьме. Девять из десяти мужчин пали бы к ногам Ирины, обрати она на них свой взор. На меня же ее сексапил совершенно не действовал. Почему-то с юности не воспринимал рыжих как объекты, пригодные для романтического знакомства.

— Классные линзы. — Вообще-то я хотел сделать комплимент, но традиционно получилось не очень. Вот что значит длительное отсутствие практики. Интересно, как там поживает генеральская Олеся? Надеюсь, она блондинка. Или брюнетка. Как вернусь, первым делом приглашу ее в лучший ресторан на полученные от Василевского червонцы. Девушка с таким приятным голосом и смехом — то, что нужно после подобной нервопрепки.

Макс издал что-то вроде стога, и едва заметно кивнул Амбалу. Я не видел, чтобы кто-то нажимал какие-либо кнопки, но дверь салона бесшумно отъехала в сторону. Господи, это конец. Мы же в сверхзвуковом джете на расстоянии пятнадцати тысяч метров от поверхности. Нас сейчас разорвет на куски. Руки судорожно шарили вокруг, пытаюсь найти ремни безопасности, пока я не сообразил, что к местным креслам они не прилагаются. Но ничего не происходило. Никого не вытягивало из салона, самолет не ушел в пике и не развалился на части. Из открытой двери лишь слегка тянуло холодом, и темнело ночное небо. Мы не летели на запад. Самолет держал курс на восток.

Легко оторвавшись от кресла, Амбал схватил сжавшегося напротив него и явно вконец обезумевшего от страха Вербовщика, и одним движением вышвырнул беднягу за борт. Дверь так же бесшумно закрылась.

— Мы не летим в Аргентину, — вздохнул Макс. — Боюсь, Александр Евгеньевич, мы летим совсем в другое место. И по другому делу.

— Кто такой Валеев? — раздраженно поинтересовался Василевский, впервые за полет оторвавшись от планшета.

ГЛАВА 4

Похоже, меня одного тяготила тишина в кабине. Я не стал отвечать на вопрос «майора», а он — настаивать на ответе. В конце концов, интернет на борту прекрасно работает. Сам найдет. Макс сделал Амбалу еще один коктейль. С вишенкой. Гигант с удовольствием потягивал его через трубочку. Против вишенки он больше не возражал. Может, любит побаловать себя сладеньким после удачной мокрухи. Интересно, за Вербовщика ему заплатят отдельно или в гонорар за миссию входит неограниченное количество трупов? Ирина вернула очки на место и погрузилась в привычную для себя медитацию. Василевский вернулся к своему планшету, а Макс, покончив с коктейлями, уселся напротив меня. Выражение его лица показалось мне сочувственным. А может, он просто дремал — его глаз я ведь не видел.

Мой статус теперь прояснился. Я не переговорщик, и не хитрый засланец могучего ФСБ. Я жертва тщательно продуманного похищения. Пленник. Но на кой черт я им сдался? Группе наемников международного масштаба, рассекающей на частных джетах, вряд ли интересен выкуп в виде двухкомнатной квартиры и старенького «ягуара». Единственная конфиденциальная информация, которой я владею — это состояние собственного кредитного счета. Почему меня слил Стоцкий, втюхав идиотскую историю о семействе Валеевых? Неужели у «Василевского и Ко» есть средства на подкуп генерала ФСБ? И куда меня везут? На восток... в Китай? Внутри похолодело. Китай... страна тысячи миллиардеров, посаженных на технологии омоложения. Крупнейший в мире рынок по нелегальной торговле органами. Неужели мои бедные сердце или печень подошли какому-нибудь столетнему старцу с карманами глубокими настолько, чтобы выкрасть российского чиновника?

— Так куда мы летим? — Да уж, стоило представить себе наиболее безрадостную картину окончания своего существования, чтобы решиться начать задавать вопросы.

— Это не слишком существенно. — Макс, разумеется, не спал. — Важно не то, куда. Важно, к кому. И зачем.

— Достаточно важно, чтобы выбросить человека за борт? Зачем вообще нужно было тащить с собой беднягу и придумывать байки о выкупе пленных? Ваши друзья вполне могли вырубить меня шокером и протащить в самолет.

— Могли, — согласился Макс. — Но вы должны были согласиться лететь добровольно. Насилие в вашем случае неприемлемо.

— А в случае с Сергеем — приемлемо? — язвительно уточнил я. — Можно узнать, чем я заслужил такую честь?

— Представьте себе огромную шахматную доску, — чуть заметно улыбнулся собеседник. — Фигуры на ней делают сложные ходы. Но они избегают соприкоснуться друг с другом. Тем более применять насилие в отношении других фигур. По крайней мере, так было до недавних пор.

— У нас, наверное, разное представление о том, что такое насилие, — пробормотал я. — По мне, так выкинуть человека из самолета — очень даже насилие.

— Он не был фигурой в этой партии, — улыбка Макса стала чуть шире. — Просто муха, случайно севшая на доску.

— Вы сами заманили эту муху липовой историей о пленниках. — Спор, в общем-то, был бессмыслен, но я надеялся, что мой похититель расскажет что-нибудь еще.

— Почему же липовой? — спокойно отозвался тот. — Пленники действительно есть. Вернее, пленник. И мы летим передать выкуп за него. Просто так уж случилось, что золото похитителю не требуется. Ему нужны вы.

— Хочет разобрать меня на органы? — И откуда у меня эта привычка выпаливать в стрессе неуместные шутки?

— Думаете? — Кажется, мысль показалась Максиму интересной. — Вряд ли все будет так грубо. Впрочем, последнее время его поведение не слишком предсказуемо. Хотя лично я думаю, что он предложит вам работу.

— И что же такого уникального я могу для него сделать, чтобы это стоило отправки за мной команды профи на частном джете? — Я укрепился во мнении, что мне вешают очередную порцию лапши на уши. Макс просто хочет успокоить пленника и обнадежить его радужными перспективами. Еще недавно это было крупное вознаграждение в золоте, сейчас мне расскажут об умопомрачительных карьерных возможностях. Связать меня было бы проще, но вдруг они боятся попортить товар? Сбежать из сверхзвукового самолета все равно невозможно.

— Это вам лучше спросить у него самого, — разочаровал меня Макс.

— Хотя бы имя будущего нанимателя я могу узнать? И на кого меня собираются обменять?

— Имена вам ничего не скажут... — Самолет довольно резко пошел на снижение, и собеседник слегка запнулся. — Можете представить себе, что мы летим на встречу с черным королем. И чтобы заполучить вас, он похитил белого короля.

Наши спутники зашевелились, пробуждаясь от дремы, и Макс замолчал. Я думал, что сейчас все начнут доставать и проверять большие пушки, готовясь к возможной битве, но ничего подобного не произошло. Не было и объявления о посадке — я понял, что прибыл к месту назначения, лишь почувствовав легкое касание шасси о землю. Самолет остановился, и дверь все так же бесшумно отъехала в сторону. Не сказав ни слова, Василевский швырнул планшет на диван и быстро сбежал по опустившемуся трапу. Амбал и Ирина последовали за ним.

Я взглянул на дверь кабины пилотов, остававшуюся закрытой весь полет. Никто не спешил выходить из нее и сейчас. Видно, летчикам не следует видеть груз. Покажись кто из них, я мог бы помахать корочкой Следственной канцелярии и потребовать немедленно вернуть меня в Москву. С тщедушным Максом я надеялся справиться — вряд ли он эксперт по рукопашному бою. Я тоже, зато на моей стороне преимущество в десять сантиметров роста и килограмм тридцать веса. Бесплодные мечты.

— Смелее, — приободрил меня человек и, сняв очки, весело подмигнул. Я оказался прав — они все носили линзы. У Макса они были фиолетовые. Такой же неправдоподобный, глубокий цвет, как и у Ирины. Как и ей, ему шло. Может, и мне попросить такие в знак утешения? Наверное, черные — под стать настроению.

Вздохнув, я выбрался по трапу наружу и поежился от внезапно оказавшегося прохладным воздуха. Что-то зябковато для Китая в сентябре. Вокруг царилась ночь. Самолет одиноко стоял на весьма внушительной взлетно-посадочной полосе, явно предназначенной для техники других размеров. Но это не было аэропортом. Я не видел ничего похожего на пассажирский терминал — только скопление приземистых серых бункеров в нескольких сотнях метров от джета. Вдали темнели горы впечатляющих размеров. Из-за примыкающей к полосе сопки с тихим шелестом вынеслись четыре бронемшины на воздушных подушках, и через несколько секунд резко затормозили в десятке метров от неподвижно стоящего со сложенными на груди руками Василевского.

Из машин высыпали самые настоящие солдаты в боевых экзоскостюмах. На предплечье у каждого гордо красовался звездно-полосатый флаг, украшенный кленовыми листьями. Твою ж мать. Похоже, теперь я не просто пленник, а перебежчик и изменник Родины.

Несмотря на воинственный вид встречающих, держались они подчеркнуто вежливо. Пусть обмениваться приветствиями и именами никто не стал, но здоровенный тип с множеством нашивок на рукаве, чей возраст я не мог определить из-за маски, весьма любезно предложил нам занять места в машинах. По двое в каждой. Ко мне ожидаемо пристроился Макс, Ирина и Амбал заняли другой транспорт, а Василевский, разумеется, предпочел общество командира.

Дорога до бункеров заняла лишь пару минут, а поскольку окон в бронетранспортерах не было, я продолжал теряться в догадках относительно того, куда же меня завезли. Исходя из времени полета, это мог оказаться Китай либо Средняя Азия. Но там не должно быть американских военных, и тем более их постоянных баз. Конечно, обрядить в янко-канадскую форму можно любого. Даже рослых китайцев, говорящих по-английски без акцента. Непонятно только, зачем. Климат также говорил за то, что мы пересекли океан. Тихоокеанское побережье Североамериканских штатов. Точно не Калифорния — скорее, территория бывшей Канады, поглощенной своим могучим соседом пару десятков лет назад. Или некогда русская Аляска.

Табличка на входе в бункер не прояснила ничего, кроме плохого вкуса вояк, ответственных за название базы. «Форт Клинтон», подумать только. Какой-нибудь гуру национальной безопасности вроде Стоцкого наверняка сразу выдал бы мне географические координаты, но я вообще не ориентировался в тысячах баз, разбросанных империей по всему миру, и название мне ничем не помогло.

Внутри нас пропустили так же, как и встретили — без каких-либо формальностей. Я с удовольствием прочитал табличку на окне внутреннего КПП, предписывающую посетителям предъявить документы и сдать образец ДНК. Очевидно, на дорогих гостей все это не распространялось, и караульные лишь стыдливо отводили глаза, когда мы бодро протопали в лифт в сопровождении встретившего нас офицера. Наверное, они и камеры отключили по такому случаю.

Бункер оказался лишь верхушкой айсберга. Лифт доставил нашу пятерку на минус тридцать третий этаж, где выгрузил в длинный белый коридор, заканчивающийся единственной дверью. Офицер с нами не пошел и, махнув рукой в ее сторону, умчался на лифте куда-то вниз. Табличка у входа извещала, что мы готовимся посетить Филиппа Кастора, четырехзвездного генерала. Да уж,

отечественная пропаганда, похоже, не врала. О наших генералах можно было сказать всякое, но я не слышал, чтобы кто-то из них брал заложников и требовал выкуп. Тем более живым товаром. Негоже военным разбойничать. Участвовать в корпоративных войнах — дело другое.

Стучать или звонить Василевский не стал. Просто потянул за ручку старомодной деревянной двери, выглядевшей несколько неуместно в защищенном военном объекте, и она охотно распахнулась.

На секунду мне показалось, что я принимаю участие в странном конкурсе двойников. Правда, только в качестве зрителя — мне пары не нашлось. За массивным столом генеральского кабинета восседал огромный голубоглазый блондин, длиной волос не уступающий Василевскому. Причем в отличие от моего спутника он их не прятал, а гордо носил распущенными. При других обстоятельствах я бы поставил деньги на то, что они близкие родственники. Скажем, отец и сын. Хотя на глазок разница в возрасте не превышала десяти-пятнадцати лет. Субъект напялил на себя полевой комбинезон с генеральскими нашивками, но на генерала походил не больше, чем Василевский — на майора ФСП.

Прямо на столе по правую руку от генерала восседала рыжая красотка. Высокая, как Ирина, и с такими же умопомрачительными зелеными глазами, которые она не считала нужным прятать. Младше моей похитительницы примерно настолько же, насколько Василевский был младше генерала. На вид девочке было не больше двадцати, брючному костюму она предпочла обтягивающее красное платье. Тем не менее, выглядела она ничуть не менее высокомерно и угрожающе, чем сопровождающая нас «переводчица». Я бы счел довольно вызывающей и ее позу на столе у босса, но в кабинете напрочь отсутствовали кресла помимо генеральского.

Собственно, кресло да стол вообще являлись единственными предметами обстановки в выглядящей почти стерильно комнате с белыми стенами, потолком и полом. Возможно, генерал использовал помещение исключительно для сложных встреч. Например, таких, после которых нужно отмывать полы и стены от крови. Не хватало только расстеленного везде на манер гангстерских фильмов полиэтилена.

По бокам от генерала, сложив руки за спиной и расставив ноги на ширину плеч, стояли копии Амбала и Макса, выряженные в комбинезоны, как у их босса. Кто они по званию, я не понял — чтению нашивок североамериканской армии меня не обучали. Насчет копий я, пожалуй, погорячился. Если Василевского можно было принять за сына генерала, а Ирину — за старшую сестру красовавшейся на столе рыжей, то сходства прочих подручных заканчивались где-то на уровне этнической принадлежности.

Эрзац-Амбал был высок, но вовсе не выглядел гигантом. Гладко зализанные назад черные волосы и тонкие черты лица скорее позволили бы мне обозвать его Казановой, если бы не глаза. Почему они у всех разные? Может, каждый отслеживает обстановку в каком-то своем спектре? В любом случае, герою-любовнику не стоит носить линзы ярко-розового цвета. С ними он слегка смахивал на какое-то исчадие ада. Впрочем, многим женщинам наверняка понравилось бы. Интересно, у Амбала такие же? Хорошо, что он не снимал очки в полете. Увидев такое, бедный Вербовщик вряд ли решился бы сесть в самолет. Пришлось бы им кончать его прямо на взлетно-посадочной полосе.

Дубль-Макс был значительно выше моего нового приятеля, но весил, похоже, столько же. Худой как жердь, сутулый, с бритой наголо (а может, просто лысой) головой, он не был похож на балагура. Фиолетовые глаза Макса смотрели с сочувствием и иронией, этот же тип смахивал на пыточных дел мастера, обожающего свою работу, и цвет глаз лишь усиливал это впечатление.

— Да будет долог твой век и велики дела, — процедил Василевский. Вычурное приветствие не показалось мне искренним. Неудивительно, с учетом обстоятельств.

— Долгих лет и великих дел и тебе, — гораздо более миролюбиво отозвался генерал. Вообще, он был единственным в комнате, кто выглядел полностью расслабленным, и даже веселым.

То, что обе команды знакомы, меня не удивило. Внешнее сходство должно было что-то значить. Станным показалось то, что общались они на языке, не являющемся ни английским, ни русским. А объяснения тому, что я его прекрасно понимал, у меня просто не было.

ГЛАВА 5

Не успели вожди обменяться приветствиями, как чужая рыжая по-кошачьи мягко спрыгнула со стола и оказалась лицом к лицу с Ириной. Надеть аккуратно стоявшие возле стола красивые туфли на высоком каблуке она не потрудилась. Напрасно — так она проигрывала сантиметров пять в росте. Моя попутчица не спеша сняла очки, и теперь девушки пялились друг дружке в глаза на манер боксеров перед схваткой. Вот только женской драки нам здесь не хватало.

— Вижу, ты завел себе новую игрушку, — голос Ирины звучал мягко и чуть насмешливо.

— Ну ты же меня покинула, — благодушно откликнулся генерал. — Пришлось выбирать из оставшихся. Марре, конечно, пока далеко до тебя. Но ты ведь знаешь — она очень талантлива, и быстро учится.

— Предательница, — прошипела его протеже. — Мы с тобой еще...

— Довольно. — Как и любой высокий чин, генерал умел быстро переключаться, и теперь его голос звучал резко и требовательно. — Это переговоры. Место.

Да, кажется, именно так он и сказал. Я не знал, что за странный переводчик в моей голове позволяет мне понимать шипящее наречие, которым владели все остальные присутствующие. Очевидно, наиболее мудрым было помалкивать, что я и делал.

— Это второй. — Василевский вообще никак не отреагировал на стычку девушек, продолжая сверлить взглядом генерала.

— Вижу. — Генерал Кастор снова расслабился, когда его подручная заняла свое место на краешке стола. — Но вы обещали, что будет трое. Хотя вообще-то должно быть четверо.

— Мы не знаем, где четвертый. Зачем снова об этом? — пробурчал Василевский. — Ты дашь мне поговорить с ним?

— Хорошо. — Генерал задумался лишь на секунду, и кивнул Казанове. Тот сделал приглашающий жест и вышел из комнаты вслед за моим похитителем.

— Что вы ему сказали? — теперь Кастор обращался к Максусу, очевидно, оставшемуся за старшего.

— Что он участник переговоров по освобождению русских пленных. — Мне показалось, что против обыкновения Макс тщательно подбирает слова. — Теперь он знает, что сам объект обмена. Больше ничего.

— Вы его не принуждали? Не связывали? Сила не применялась?

Вот те раз. Похоже, коротышка не соврал, когда говорил о недопустимости плохого обращения.

— Со мной обращались хорошо, — понятия не имею, зачем я это ляпнул. Я мог лишь понимать их, поэтому фразу произнес на английском. Что ж, кажется, я ударил в гонг у ворот ада.

Хозяин кабинета излучал колоссальную силу и непоколебимую уверенность в себе. Его подручные, как и люди Василевского, производили впечатление отчаянных и крутых профи. Но четыре слова из моих уст повергли присутствующих в настоящую панику. Если бы я не смотрел на генерала, произнося их, то, возможно, и не заметил бы тени испуга, промелькнувшей на его лице. Впрочем, вожак овладел собой практически мгновенно. А вот команда его подкачала.

Рука эрзац-Макса вынырнула из-за спины, сжимая в ней какое-то диковинное стреляющее устройство. Ни в кого палить он, правда, не стал, и теперь растерянно пытался поймать взгляд шефа, чтобы понять, что делать дальше. Молодая тигрица ни в чьих инструкциях не нуждалась. Очередной прыжок со стола теперь сопровождался порцией каких-то шипящих проклятий, а воздух вокруг нее начал странно меняться, трансформируясь в подергивающуюся дымку.

— Прекрати, — Ирина оттолкнула меня в сторону, и встала между нами, — твой хозяин тебя не похвалит.

— Хватит! — рывкнул генерал, окончательно совладав с собой. — Кто его пробудил?! Да как вы смели...

Вопросы адресовались Максусу, который теперь стоял у меня за спиной. Я обернулся, чтобы видеть выражение его лица, когда он будет отвечать. Меня действительно подняли довольно рано, но вряд ли неудовольствие Кастора относилось к этому обстоятельству. Попутчик снял очки, и теперь виновато смотрел на бушующего генерала парой огромных фиолетовых глаз. Амбал тоже поспешно сдернул с лица очки, уже ожидаемо для меня явив на свет ярко-розовые радужные оболочки. Видно, в их конторе принято каяться, глядя боссу в глаза.

То, что это две части одной и той же шайки, совершенно ясно. Оперативные группы-четверки, подобранные из схожих типажей. Разговоры о предательстве. Какая-то разборка в мире североамериканских спецслужб. Военная разведка. А может, и ЦРУ. Мне подумалось, что Стоцкий вовсе не продал меня за взятку. Он знал, с кем имеет дело, и послал к ним «крота». Сейчас меня будут вербовать. Я, понятно, соглашусь. Меня зашлют обратно, и вуаля, знакомьтесь — Александр Евгеньевич Рогожин, шпион, двойной агент. Теперь понятно, зачем я нужен Стоцкому. Непонятно, на кой я сдался американцам.

— Мы здесь ни при чем, — Макс заметно нервничал, и теперь частил. — Он не демонстрировал никаких признаков... пробуждения. Ни на земле, ни в полете. И в его биографии нет ничего...

— Чем он занимается? — Вот это да. Кастор, похоже, понятия не имеет, кого к нему привезли. А я-то думал, что оказался здесь благодаря выдающимся жизненным достижениям. Ну или хотя бы большому количеству знакомых в среде российских чиновников.

— Он полицейский, — быстро ответил Макс, переврав мой статус. — Так же, как и все они. Очень любопытно, не правда ли?

— Дай на пятьдесят процентов, — генерал уже не слушал его, обращаясь теперь к своему фиолетовоглазому. Тот вскинул устройство и нажал на спуск. Тяжелый удар пришелся мне точно в грудь, отбросив к двери.

Очнулся я довольно быстро. Во всяком случае, когда сознание вернулось, в комнате находились все те же, и стояли они на тех же местах. Правда, теперь они пялились на мою особу, валявшуюся на полу в довольно неловкой позе. Макс смотрел виновато. Немудрено — это ведь он так долго распинался на тему шахматных фигур и их неприкосновенности. Губы Ирины были недовольно поджаты, а Амбал выглядел растерянным. Никто из них не пошевелился, чтобы помочь мне. Понятно. Я сам по себе, и сам за себя.

Генерал, похоже, утратил интерес к моей персоне. Пусть взгляд его и был обращен в мою сторону, но мысли, кажется, витали далеко. Дубль-Макс продолжал целиться в меня из своей штуковины. Бедняга выглядел нервным и перепуганным, и я решил, что буду стараться избегать резких движений, чтобы не получить добавки. Красивые зеленые глаза Марры затуманились, а лицо приняло странное плотоядное выражение. Она даже пару раз облизала язычком пухлые губки. Что ж, кого-то насилие пугает, кого-то — возбуждает.

Дверь резко распахнулась, больно саданув меня по голове. Я и без того неслабо приложился об пол при падении, и тысячи маленьких шахтеров внутри черепа азартно взялись за отбойные молотки. Вряд ли мои страдания сильно беспокоили ворвавшегося в кабинет Василевского. Тем не менее, увидев на полу мое тело, и непонятный шокер в руках подручного генерала, он счел необходимым выразить свое неудовольствие:

— Был уговор — не портить. Ты снова нарушаешь правила.

— Товар передан и принят, — возразил Кастор. — Теперь делаю, что хочу.

— Нет, — ощерился Василевский. — Обмен не завершен. Пока ты не выполнишь свою часть, это наша собственность. На твоём временном хранении. И помни, что у нашего терпения есть пределы. Если обмен сорвется...

— Да не будет никакого обмена, и ты это знаешь, — равнодушно отозвался генерал. — Мы все понимаем, что я буду дышать только до тех пор, пока он у меня. Вы привозите мне этих лишь для того, чтобы он продолжал жить. И пока я не завершу свою миссию, он будет моим гостем. Когда я закончу, все поймут, кто был прав. Тогда я отвечу за все, что сделал. Не раньше.

— Что ты сделаешь с ними? — Василевский не выглядел удивленным. Похоже, меня и неизвестных мне заложников уже признали сопутствующим ущербом. Стоцкий будет разочарован, когда мой труп всплывет где-нибудь в Беринговом проливе. Хотя о чем это я? Останусь пропавшим без вести. У предусмотрительного генерала под рукой наверняка имеется личный крематорий.

— Понятия не имею. — Кастор заметно повеселел. — В этом и есть вся прелесть игры без правил, не так ли?

Я с трудом поднялся на ноги. Голова раскальвалась, ребра болели, заставляя заподозрить перелом. Вообще-то я никогда не отличался адекватностью реакции в стрессовых ситуациях. Но обычно либо замирал, парализованный ужасом, либо старался незаметно ретироваться из зоны конфликта. Не знаю, что на меня нашло сейчас.

— Я тебя прикончу, — сообщил я генералу. — Вырву тебе глотку. Казанове твоему недоделанному хребет сломаю. Лысому руки поотрываю. А рыжую выпотрошу, как курицу.

О да, в первый раз я понял все верно. Они боялись меня, боялись до чертиков. Снова мелькнувшая на лице Кастора тень, озабоченная физиономия розовоглазого, побелевший как мел дубль-Макс. Даже отморозенная садистка Марра на мгновение утратила самоуверенность хищницы. Я наслаждался их замешательством не меньше трех секунд, пока генерал не подал едва заметный знак, и следующий выстрел лысого не выключил мне свет.

ГЛАВА 6

На сей раз без сознания я пробыл куда дольше. Понять это было несложно — я уже не находился в ярко освещенной комнате с белыми стенами. Лампы здесь были тусклыми, а пол — куда более

жестким и холодным. Металл. И стены тоже металлические. А я-то думал, что палаты буйных обивают войлоком, или какой там материал пришел ему на смену. Еще у меня появился лечащий врач. Во всяком случае, кто-то нещадно хлестал меня по щекам, озабоченно приговаривая:

— Эй, мистер! Очнитесь, мистер!

Наконец юная леди поняла, что я пришел в себя, и избиение прекратилось. Я же наконец смог сфокусировать взгляд на своей мучительнице. Лет двадцать пять. Высокая, стройная, спортивная. Коротко стриженные темные волосы, голубые глаза. Не такие неестественные, как у рыжих красоток, но заметные даже в полумраке этого помещения. Высокие скулы, острый носик. Черные джинсы в обтяжку, короткий синий топ. Милашка. И она, кажется, искренне переживала за состояние моего здоровья. Или просто не хотела остаться наедине с трупом в комнате площадью менее двадцати квадратных метров.

Похоже, дама такая же заключенная, как и я. Три кровати, но спят только на одной, две аккуратно застелены. В углу душ и унитаз. Пардон, параша — нужно привыкать к тюремной терминологии, хотя здесь вряд ли кто-то говорит по-русски. Кастор и Василевский упоминали, что выкуп составляют три человека. Кажется, двое уже на месте.

— Можно было просто плеснуть в лицо водой, — недовольно пробурчал я, мобилизовав свои знания английского. Рука у девицы была тяжелой, я чувствовал вкус крови во рту. Или у меня внутреннее кровотечение от забав с шокером.

— Я пыталась. — Она отлично говорила по-английски, но язык не был для нее родным, насколько я мог судить. — Вы не приходили в себя. Я испугалась. Они били вас ногами по голове, когда бросили на пол.

Ах вот оно что — я получил добавку, пока пребывал в отключке. Только сейчас я заметил, что рубашка действительно влажная у воротника.

— Я в порядке, — бодро соврал я, не в силах отказать себе в удовольствии повыпендриваться перед красоткой. — В меня пару раз пальнули из шокера, всего-то. А кто бил меня ногами?

— Эти... один с розовыми глазами и второй с фиолетовыми.

Да уж, мне явно удалось задеть подручных генерала за живое своими угрозами.

— Я Алекс, идиот, — представился я. — Из России. Прилетел сюда добровольно, по глупости. А вы как здесь оказались?

— Так же. — Решив, что со мной все в порядке, девушка забралась на кровать, и уселась на ней по-турецки. — Я Франческа. Италия, Рим. Начальство сообщило, что я с новой командой должна перехватить груз наркотиков, прибывающий на Сицилию. Мы сели в самолет, а приземлились здесь. Это точно не Сицилия.

Она едва заметно улыбнулась, демонстрируя присутствие духа. Я вспомнил, что похитители говорили о нас. Мы все полицейские. И всех нас отправили на секретные задания с новыми коллегами. Василевский не мучил себя изобретением способов похищения — годился один и тот же, с небольшими вариациями. Но придумано, надо отдать ему должное, неплохо. Трое полицейских из разных стран исчезнут героями в несвязанных между собой миссиях. Может, меня даже наградят за попытку спасения несуществующих спецназовцев. Посмертно.

Интересно, а когда ждать третьего? Я чувствовал, что генерал будет решать нашу судьбу лишь после того, как соберет полный комплект.

— Ты давно здесь? — Вряд ли из ее ответа можно было бы сделать определенные выводы о том, сколько ждать следующего гостя, но я надеялся, что какое-то время у нас есть.

— Двенадцать дней. — Она ненадолго задумалась. — А какое сегодня число? Часов здесь нет. Считала по циклам сна.

— Двадцать восьмое сентября, — я определенно огорчил ее своим ответом.

— Десять дней, — наконец пробормотала она. — Время тянется так медленно...

— Телевидения нет? В какое время прогулка? Охрана как часто меняется? — Я всерьез настроился поиграть в графа Монте-Кристо. Ну, хотя бы в глазах юной сокамерницы. Наверное, зря.

— Ты чем занимался у себя в России? — насмешливо поинтересовалась Франческа. — Служил в разведке, в спецназе? Изучал методы побега из военных тюрем?

— Я следователь. Следственный судья, — важно пояснил я, вспомнив сериалы об итальянской мафии. — Расследую убийства.

— Понятно, — грустно подытожила собеседница. — Бумагомарака. Толку от тебя ноль. Я три года служила в спецназе. В основном Северная Африка. Пятнадцать миссий, два ранения. Потом три года в полиции. Спецотдел по борьбе с наркотиками. И знаешь что? Отсюда не сбежать. Эта комната — сейф. Сплошной металл, бесшовная технология. Кровати приварены. Нет ни кусочка обстановки,

который можно отодрать и использовать против охраны. Наблюдение двадцать четыре часа в сутки. Три видимые камеры. Вентиляционное окошко — десять сантиметров в диаметре, глухая решетка. Прогулки? А нет никаких прогулок. Душ принимаю прямо здесь, даже шторы нет. Разрешаю тебе смотреть — охрана уже все видела. В комнату они не заходят. Дверь ведет в тамбур. Отпирается дистанционно, электромагнитный замок. Когда ее открывают, я забираю поднос с едой. Интервалы кормежки разные. С другой стороны тамбура дверь еще серьезней. Еда в бумажных тарелках, приборы и сами подносы тоже из прессованной бумаги. Так как ты собираешься выбраться отсюда, умник?

Я не понимал, зачем мы нужны Кастору. Он приложил серьезные усилия к нашему захвату. Взял в заложники какую-то важную птицу и явно рассорился со своей конторой, какой бы аббревиатурой она себя ни обозначала. Возможно, теперь он такой же пленник, изолированный на захваченной военной базе. Этот кризис не мог длиться вечно. Не президента же США он удерживает... Допустим, это руководитель его службы. Пройдет время, и назначат преемника. Может, того же Василевского. Новый босс решит, что принципы важнее, чем жизнь предшественника, и на базу обрушится спецназ. Или проще — произойдет несчастный случай с ядерной боеголовкой, который похоронит эту грязную историю со всеми участниками. Включая несколько бедных иностранцев.

Но время, похоже, не слишком заботило генерала. Нас не допрашивали. У нас не брали анализы. Над нами не ставили опыты. Мы просто сидели в своей клетке, ожидая, что случится дальше. Кормили вполне сносно. Более того, на третий день я набрался наглости и проорал в камеру, что именно желаю получить на ужин. Не знаю, было ли это указанием генерала, или нам попались жалостливые надзиратели, но заказ исполнили почти полностью. Что кто-то здесь умеет готовить пельмени, я и не ожидал.

Теперь составление дневного меню стало нашим основным развлечением. Увы, к просьбам провести телевидение, дать видеоплеер, игровую консоль или хотя бы бумажные книги охрана осталась глуха. Зато повар старался как мог, хотя Франческа ставила перед ним непростые задачи. Я успел попробовать десяток вариаций пасты, о половине из которых раньше и не слышал, несколько видов лазаньи и кучу других блюд, заставивших меня всерьез переживать за сохранность фигуры. В напарнице это все исчезало без какого-либо ущерба для внешности. Правда, она минимум три часа в день тренировалась, оставаясь в одних трусиках. Зрелище садящейся на шпагат обнаженной красотки было явным перебором, и я в эти моменты отворачивался, медитируя на стенку. Тем более я не смотрел, как она принимает душ.

Казалось бы, между мужчиной и женщиной, вынужденными делить небольшую камеру, неизбежно должно возникнуть сексуальное напряжение. Но нет, ничего подобного не наблюдалось. Во всяком случае, на взаимной основе. У меня-то этого самого напряжения было хоть отбавляй. Но ко мне относились как к слегка непутевому и тормозному старшему брату. Наверное, ей помогала армейская тренировка. Жизнь в казарме, и все такое. Или я вообще не казался ей сколь-либо привлекательным даже по меркам необитаемого острова. Обидно.

Сокамерница была не только чертовски красива, но и дьявольски умна. Помимо родного итальянского она свободно владела английским, французским, испанским и арабским. До армии успела проучиться пару лет в Сорбонне. Франческа происходила из обеспеченной семьи, и могла стать кем угодно. Могла и выйти замуж за какого-нибудь мультимиллионера. Как я понял, недостатка в предложениях не было. Но, бросив учебу, она пробилась в армейское подразделение, занимающееся усмирением исламских фундаменталистов в их родных странах. Когда ее комиссовали из-за ранения, поступила в ударный полицейский отряд.

Сначала я отнес ее пеструю биографию на счет юношеского бунтарства. Но от этой версии пришлось отказаться — леди была умна и рассудительна не по годам. Не наблюдалось даже намека на инфантильность. Адреналиновая наркоманка? Возможно, но люди ее круга предпочитают удовлетворять эти потребности спорткарами, горными лыжами или серфингом. Оставался вариант с личной трагедией. Может, ее изнасиловали одноклассники-арабы в университете? Или родственник стал жертвой теракта? Кто-то в семье умер от наркотиков, идущих в Европу через Африку и Ближний Восток?

На мои осторожные вопросы отвечали весело и беззаботно до тех пор, пока не поняли, куда я клоню. Думал, за этим последует взрыв, но меня лишь обсмеяли, заставив почувствовать себя идиотом.

— Ну а ты-то почему стал законником? — осведомилась Франческа. — Думала, один служака может понять другого.

— Случайно, — неохотно признался я, понимая, что теряю немало очков в ее глазах. — Я был корпоративным юристом. Хорошо зарабатывал, неплохо жил. Мама умерла, когда я был маленьким, меня воспитывал отец. Он занимал большую должность в ФСП. Но потом... в общем, его обвинили в

коррупции и посадили. Четырнадцать лет. Осталось еще девять. Я работал на государственную корпорацию, и меня уволили. Один из знакомых отца помог устроиться следователем. Другой работы для меня не было.

— И тебя что, ничего не задевает на службе? Тебе не хочется наказать злодеев, восстановить справедливость? — Девушка, кажется, была искренне удивлена.

И тут я прозрел. Меня посадили вместе с настоящей, натуральной, стопроцентной идеалисткой. Господи, остались же еще такие люди в нашем мире... Я с нежностью посмотрел на подругу. Возможно, я влюбился. Сложно сказать, когда ты уже неделю заперт в маленькой комнатке с привлекательной девушкой. И вообще, меня всегда тянуло на сумасшедших. Сам-то я всю жизнь был слишком осторожен и рассудителен. Противоположности притягиваются. Плохо, что сумасшедшие обычно предпочитают других сумасшедших.

— Меня много чего задевает, — вздохнул я. — Например, баланс на кредитке в конце месяца. Зарплата влияет на него куда меньше, чем мне хотелось бы. И нет, я не прячу в шкафу плащ и синие трусы в обтяжку. Отбываю свою смену, смотрю в глаза десятку-другому убийц и насильников, и еду домой в пробках. Там меня ждет телевизор с государственной пропагандой и дурацкими шоу. Я знаю, что ничего не могу изменить в своем мире. Место каждого пойманного подонка занимают двое новых. Через пять-десять лет пойманные тоже выходят, и их становится трое. Слишком большие сроки — экономически нецелесообразно. Смертная казнь — негуманно. Твой мир разве другой? Чего ты надеешься добиться? Ладно, если тебе нравится таскать пушку и безнаказанно стрелять в людей. Но борьба за справедливость? Думал, ты умнее.

— Мне жаль тебя, — задумчиво сказала она. — Мне кажется, ты способен на большее. Мы живем в таком мире, потому что все прячут голову в песок. Но кто-то должен подавать пример. Показывать, что еще не все сгнило. Что можно что-то сделать.

Мне очень хотелось сказать ей что-нибудь утешительное. Не потому, что я и правда верил в эти бредни. Если задуматься, в истории человечества почти не было эпизодов, когда хорошие парни объединялись против плохих, и из этого получалось что-то путное. Достаточно вспомнить все известные революции. Режим негодяев сменяет террор, а потом приходят другие негодяи. Скучно. Но надо как-то восстановить репутацию в ее глазах...

Мои размышления прервало клацанье замка двери. Мы переглянулись, и вскочили на ноги. С момента последней кормежки прошла лишь пара часов, так что это не может быть ужин. Неужели генерал или кто-то из его подручных решил почтить нас своим визитом? Я видел, как напряглась Франческа. Гибкая пантера, готовая к прыжку. И это после всех разговоров о невозможности побега. Я надеялся, что она не станет делать глупостей, попытается прорваться наружу, или взять заложников.

Что ж, она зря точила коготки. Дверь распахнулась, и в комнату вошел я.

ГЛАВА 7

Я был загорелым, являлся обладателем модной прически и куда более спортивной фигуры. Также я был гладко выбрит, в отличие от оригинального меня, уже неделю вынужденно отращивающего щетину. Еще от меня приятно пахло недешевой туалетной водой. При этом я не казался мажором. Двойник выглядел мужественным, уверенным в себе, и даже умудрился сохранить хладнокровие, увидев перед собой нашу парочку.

— Вот дерьмо. — Франческа начала с английского, после чего перешла на родной язык, произнесла длинную тираду, в которой вряд ли нашлось место хоть одному приличному слову.

— Воистину, — согласился субъект, внимательно разглядывая меня. — А ты чего такой хилый? Много пончиков, мало бега?

— Мы тут в основном спагетти балуемся, — с достоинством ответил я. — Даме нравится. А бегать особо негде. Разве что по нужде.

Наверное, подсознательно я ожидал чего-то подобного. Во всяком случае, после «конкурса двойников» шокировать меня чьей-то внешностью было непросто. Я провел немало времени в размышлениях о том, кто станет третьим. Было известно лишь то, что это полицейский. Может, негр. Или китаец. Возможно, генерал хотел собрать ударную группу из суперкопов, чтобы расследовать что-нибудь. Правда, я на суперкопа как-то не тянул, зато Франческа — вполне. Только из сказанного при первой встрече следовало, что Кастор не в курсе, кем трудятся его жертвы. Теперь все стало на свои места.

Ему все равно, кто мы такие и кем работаем. У него нет к нам вопросов, он не хочет выведать никаких тайн. Макс говорил, что нам могут предложить работу. Пожалуй. Работу телами. Мы — чьи-то

двойники. Парочка мужских в наличии. Наверное, генерал хотел занять и парочку женских, но нашли лишь одну. Может, ему и хватит. Может, второй нужен про запас.

Оставалось понять нашу роль. Проникнуть куда-то под видом некоего важного лица, на которое мы похожи? Хорошо бы. Не хотелось думать, что наша функция — изобразить труп этого самого лица. Или стать подсадной уткой при покушении на него.

— Это Алекс, — женский голос прервал мои размышления, заставив вспомнить о том, что нас теперь целая толпа. — Я Франческа. А ты кто? Можем звать тебя «Алекс-два».

— Меня вполне устроит «Джим», — отозвался новичок. — Вы что-нибудь знаете о том, где мы и почему?

— Тебе должно быть виднее, Джим, — вклинился я. — Ты же у нас тут единственный янки. Мы захвачены каким-то американским правительственным агентством. Возможно, военной разведкой. Содержимся на базе «Форт Клинтон» то ли на Аляске, то ли где-то в Канаде. Так как ты попал сюда, Джим?

— Меня отправили с командой УБН из Лос-Анджелеса в Цинциннати. — Похоже, услышанное потрясло собрата по несчастью сильнее, чем зрелище моей небритой физиономии. — В полете сказали, что миссия изменилась, и придется лететь в Ванкувер... Но это невозможно: правительство не могло похитить американца. Тем более спецагента ФБР. Зачем мы им?

— Так ты не виделся с генералом? — насторожилась Франческа. — Кто тебя привез?

— С каким генералом? — совсем расстроился Джим. — Меня привезли ребята из УБН. Их мне представило начальство. Главный — спецагент Васки, здоровенный такой блондин. С ним были еще трое — девушка и двое парней. Сказали, что это секретная точка Управления по борьбе с наркотиками, в самолете одели мешок на голову, и сняли только перед дверью.

— Парень пропустил все самое интересное, — сочувственно сказал я. — Например, встречу с настоящим четырехзвездным американским генералом, который теперь держит его в плену. Но это может быть хорошим знаком. Возможно, мы проживем еще сколько-то. На показания иностранцев всем здесь плевать, а вот на слова спецагента ФБР — нет. Видно, генерал и постеснялся светиться. Не хочет «сидеть американский тюрьма». Наверное, надеется выкрутиться из этой истории.

— Им не нужны мы. — Умница Франческа уже пришла к тому же выводу, что и я. — Дело не в личностях и не в навыках. Дело во внешности. Генералу нужны двойники сыграть кого-то.

— И поскольку мы все в сборе, ждать новостей теперь недолго, — резюмировал я.

Ошибаться могут все. Даже умнейшие из людей. Даже полицейские.

Мы поняли это, когда на следующий день они пришли за нами. Было время обеда, но когда дверь распахнулась, вместо еды мы увидели десяток амбалов в масках, прячущихся за пластиковыми щитами. В комнату полетели светозумовые гранаты, их было много. Не скрыться, не спрятаться. Они принялись за нас, когда мы валялись оглушенные на полу. Дубинки с электрошоком, кулаки в жестких перчатках, тяжелые армейские ботинки. Удары наносились без разбора — голова, лицо, корпус. Сохранение товарного вида в повестке дня не значилось. Перед тем как потерять сознание, я видел, как они повалили Франческу на кровать и сорвали с нее одежду.

Очнулся я от того, что кто-то окатил меня целым ушатом воды. Вот это правильно. Куда лучше массажа челюсти. Франческа? Открывать глаза я не спешил. Второе избиение было куда более жестким, а я только начал отходить после первого. Сколько себя помню, не переношу боли. И обычно удачно ее избегаю. Не занимаюсь экстремальными видами спорта, не ввязываюсь в драки, редко хожу к зубному. И, несмотря на отвратительные экологию и питание, умудрился сохранить вполне приличное здоровье к своим тридцати трем. Ну, до последнего времени.

Но боли почти не было. Может, меня парализовало? Я осторожно пошевелил пальцами рук, потом ногами. Вроде слушаются. Возможно, вкололи обезболивающее, пока я отсутствовал. Зачем избивать человека, чтобы потом уменьшить его страдания? Я наверняка уже выдал себя своими гимнастическими упражнениями, поэтому приоткрыл правый глаз, признавая, что в сознании. Темнота. Волна ужаса быстро сменилась облегчением. Я не ослеп, просто в помещении нет света. И это уже не камера, где я провел последнюю неделю. Пол бетонный, воздух влажный. Где-то недалеко журчит вода.

Ярко вспыхнувшие под потолком софиты на мгновение ослепили меня. Я зажмурился, а когда открыл глаза, передо мной стояла девочка. Я точно принял слишком много ударов в голову. Откуда здесь взяться ребенку? Странная галлюцинация. Зажмурившись, я медленно досчитал до десяти.

— Дяденька, вам нехорошо? — детский голос зазвучал у меня в ушах еще до того, как я успел открыть глаза. Отлично, теперь галлюцинации еще и слуховые. Мало того, что на военной базе

обнаружилась двенадцатилетняя шкодница, одетая в платье с цветочками, так она еще и говорит по-русски. Хотя это как раз логично. Зачем мне англоговорящие глюки?

Я открыл оба глаза, и с раздражением посмотрел на ребенка. Миленькая такая голубоглазая блондинка метр двадцать ростом. Чистый ангелочек. Впрочем, опять же, с чего бы это подсознанию подсовывать мне какое-нибудь толстое и прыщавое существо. В руках галлюцинация держала маленькое ведерко. Определенно то самое, из которого пару минут назад окатила меня водой. Или это мне тоже почудилось? Нет, выше груди все мокрое, хоть отжимай. Я осторожно повернул голову вправо. Точно, в стене кран, из которого тонкой струйкой льется вода. Приятно осознавать, что даже твои видения безупречно логичны.

— Дяденька, вы больны? — Ну вот что она прицепилась? И разве мои галлюцинации не должны изъясняться более затейливым слогом? Что это за «дяденька»? И зачем принимать такой испуганный вид? Это что, проекция моего собственного душевного состояния? Тогда да, похоже. Оказаться похищенным и избитым само по себе неприятно. А тут еще проблемы с головой.

— Я в полном порядке... — неискренне просипел я. Ну и пусть невидимые наблюдатели думают, что я говорю сам с собой. Нечего ботинками по черепу пинать.

Медленно приподнявшись на локтях, я приготовился к тому, что тело взорвется болью. Ничего подобного — вполне терпимо. Точно, чем-то накачали. Может, и галлюцинации отсюда.

— Вы очень долго так лежали, — сообщило мне видение. — Я боялась вас трогать. А потом вода из крана сама потекла. Вы не обижаетесь?

— Я не обижаюсь. — Помещение оказалось больше предыдущего, и без таких жестких мер безопасности. Во всяком случае, дверь выглядела достаточно заурядно. Пара камер под потолком и полное отсутствие мебели. Зато одна из стен — огромное зеркало, наверняка прозрачное с другой стороны.

Допросная. Зря я жаловался на недостаток внимания — похоже, со мной все же собирались побеседовать. А сцена в камере — просто придание субъекту нужного настроения. Кому как не следователю знать подобные приемы. Но зачем так жестко, тем более, если им интересна наша внешность? И какого черта здесь делает русская девочка, реальность которой уже не вызывала сомнений? Будут ее пытаться при мне, чтобы согласился сотрудничать? Насиловать, как Франческу? Я вспомнил подругу, распластанную на кровати, и с трудом подавил приступ ярости. Я не в том положении, чтобы провоцировать тюремщиков. Если вообще надеюсь отсюда выбраться.

Генерал собирается нас сломить? Мартышкин труд. Хотя идеалистку Франческу — возможно. Или живущего в своем иллюзорном мире аккуратиста Джима. А капитана Рогожина ломать не нужно. Готов признать себя сломленным прямо сейчас. Где подписать?

— Эй, послание дошло! — заорал я в ближайшую камеру. — Обойдемся без игр разума. Что нужно-то? Можно же просто попросить. А немного наличных куда лучше мордобоя.

Стекло задрожало и стало прозрачным. По ту сторону не оказалось ни генерала, ни его подручных. Только пять маленьких мальчиков, на вид от семи до десяти лет, привязанных скотчем к грубо сколоченным деревянным стульям. Расположили их в рядок, примерно в метре друг от друга.

— Лена! — Пятый справа, мальчуган лет десяти, недавно плакал, но теперь пытался выглядеть мужественно. — Ленка, ты как? Отпустите ее, зачем она вам...

Теперь он обращался ко мне, но я не был тем, кто ему нужен.

— Паша! Паша! — Белокурый ангелок подбежал к стеклу и замолотил по нему маленькими кулачками. Из глаз хлынули слезы.

Я подковылял к ней, и пару раз для порядка стукнул витрину ногой. Естественно, ничего не произошло. Стекло противоударное, а может, и пуленепробиваемое. Увидев мои старания, малыши задергались и заголосили, наперебой призывая на помощь. На трех разных языках. Двое точно были американцами. Генерал совсем сбрендил.

Дверь в комнату по ту сторону зеркала отворилась, и вошел лже-Макс. Теперь и он напялил темные очки, хотя военная форма осталась прежней. В руках он держал канистру без каких-либо маркировок. Не похоже, что подручный Кастора думал, что делает что-то плохое. В его исполнении все выглядело очень буднично, будто он занимается этим каждый день.

Странно, что первой среагировала Лена. Наверное, со всем своим цинизмом я просто не мог поверить глазам. Девичий визг слился с мальчишечьим, пока человек в очках деловито поливал детей какой-то жидкостью. Я не мог чувствовать запаха, но сцена не оставляла сомнений в том, что это.

— Да согласен я, согласен! — теперь я пытался перекричать хор из шести детских голосов, и барабанил по стеклу, чтобы привлечь внимание подонка в другой комнате. — Что бы там ни было, я согласен. Сделаю все, что скажете.

Человек за стеклом аккуратно поставил канистру в угол и повернулся ко мне.

— Вот как раз в этом мы и сомневаемся, — равнодушно сказал он. — Но сейчас мы это выясним. Все очень просто. Вы должны убить девочку рядом с вами. Если вы этого не сделаете, я сожгу этих детей заживо, одного за другим. Включая ее брата.

Блефует. Ни один американский генерал не может быть настолько чокнутым, чтобы приказывать сжигать заживо американских же детишек. Каких-нибудь афганских, или русских — еще куда ни шло. Плач рядом со мной стих. Я взглянул на Лену. Теперь она просто неотрывно смотрела на брата, что-то беззвучно шепча про себя. Лишь губы шевелились. Похоже, шок. Еще бы: услышать такое в ее возрасте. Зря я надеялся, что она не понимает по-английски. Не из России же их привезли? Наверняка местные, из какой-нибудь эмигрантской семьи.

— Отвернись. — Я мягко взял Лену за плечи и развернул спиной к стеклу. Что бы ни случилось, ей это видеть негоже.

— Дядя, вы должны это сделать, — она смотрела мне прямо в глаза, и говорила твердым уверенным голосом. — Их пятеро, а я одна. И там Паша. Мне не будет больно?

— Ничего я делать не буду, — я говорил громко, чтобы меня слышали и за стеклом, и невидимые наблюдатели за камерами. — Хотите марать руки — марайте. Я свои не стану.

— Девочка права, — все так же равнодушно сообщил псевдо-Макс, видно, расхрабренный от того, что теперь между нами оказалась непробиваемая преграда. — Пятеро за нее одну. Выбор очевиден. Вы не можете снять с себя ответственность. Их смерть будет ужасна. И будет на вашей совести. Девочку можете убить быстро и безболезненно. Сломайте шею. Показать, как правильно?

— Себе сломай, — посоветовал я. — Я передумал. Не буду тебе руки отрывать. Ты у меня месяц умирать будешь.

Что-то я отошел от сценария полной капитуляции. Но и они играли грубовато. Детей зачем-то приплели. Трое из пяти мальчишек визжали не переставая. Хоть бы рот им заклеили... так нет, специально стимулируют звуковые эффекты. Я успел зажать Лене уши, когда человек в очках, не изменившись в лице, чиркнул дешевой зажигалкой и швырнул ее на крайнего мальчика. Крики ужаса за стеклом перекрыл жуткий вопль боли. Не знаю, какой состав они использовали, но это было не быстро.

За пять лет работы я повидал сотни трупов. Видел и жертв пожаров. При мне убивали людей. Не только беднягу Вербовщика и тех, кто остался на шоссе, когда я успел уйти от взрыва. Как-то на моих глазах полицейские забили до смерти педофила, два года терроризировавшего округу. Он изнасиловал и убил тринадцать девочек, пока не обнаглел настолько, что утратил всякую осторожность. Состоятельный бизнесмен с местом жительства в «зеленке». И уже заготовленным досье от прикоммленного психоаналитика, с которым наверняка отделался бы принудительным лечением.

Не учел только, что на окраинах свои законы. Я тогда стоял и смотрел, как это существо катается по полу, невнятно визжа: «Адвоката!..», пока трое оперов сосредоточенно охаживают его металлическими прутами. А когда все было кончено, пошел в изолятор и принял там признание обвиняемого в пяти убийствах, что педофила забил он. Из личных неприязненных отношений. Я сделал это не потому, что считал действия полиции настоящим правосудием. Я сделал это потому, что был молодым следователем, который не мог позволить себе потерять работу. И потому, что об этом договорился начальник розыска с моим начальством.

Я не стал отворачиваться. Просто думал о том, что сделал бы с генералом и его подручными, если бы мог. Оказывается, у меня отличное воображение. Пусть и немного специфическое.

ГЛАВА 8

В отличие от меня, садиста-теоретика, местные прекрасно знали, чего добиваются. Я должен был кого-нибудь убить. Каждый раз передо мной пытались обозначить дилемму, логическим разрешением которой стала бы смерть человека, находящегося со мной в одной комнате.

Вот бедняга, которому грозит смерть в чане с кислотой. Но я могу оказать ему услугу, быстренько придушив. Маленький индеец плакал и просил меня не делать этого. Наверное, тоже думал, что они блефуют. Я знал, что это не так. Но играть в их игры не собирался. Все равно никто из тех, кого приводят ко мне, не жилец. Лену я больше не видел, но не сомневался, что она поделила участь брата. Индийца опускали в кислоту медленно, сантиметр за сантиметром. Предварительно поставив ему какую-то капельницу, так что продержался он долго, пока жидкость не дошла до колен.

Потом была симпатичная канадская девушка, которую мне полагалось забить до смерти. Она без устали плакала, повторяя, что всего лишь согласилась на работу временной секретарши в Анкоридже.

Когда я отказался, ее изнасиловали и изрезали ножами восемь солдат в масках. То, что они по-прежнему прятали лица, обнадеживало. Убивать меня не собирались. И больше не били, хотя спал я прямо на полу в комнате со стеклянной стеной.

Их методы удивляли. Понятно, что меня хотят повязать кровью. Я под запись убью беззащитного человека и стану их собственностью. Возможно, тогда меня и просветят относительно настоящей цели моего похищения. Но почему они никогда не угрожают смертью или увечьями мне самому? Перспектива искупаться в чане с кислотой делает моральные принципы очень гибкими.

Вообще-то я чувствовал, что могу это сделать. Убить невинного гражданского, и даже потом нормально спать по ночам, убедив себя в том, что иного выбора не было. Но у меня был Джим. Если я прав, и один из нас — запасной вариант для миссии, мне нужно лишь подождать, пока черту перейдет двойник. После этого меня наверняка оставят в покое. Не забавы же ради они этим занимаются, похищая народ в округе?

Конечно, есть риск, что тогда я стану просто не нужен генералу. И меня с удовольствием искупают в чане с кислотой. Но он очень хотел именно четверых. А меня устроит и роль дублера дублера. Кровать бы вот еще раздобыть...

Все изменилось на восьмой день одиночки. В комнату за стеклом втолкнули человека. Ничем не примечательный белый мужчина, примерно моего возраста, роста и телосложения. С ожидаемо испуганным и растерянным взглядом. Странно: обычно их сначала сажали ко мне, и переводили в пыточную только тогда, когда я отказывался выполнять приказ.

Стекло сделали прозрачным с обеих сторон, и мы могли свободно пялиться друг на дружку. Звук нам не включили. Немного успокоившись, приведенный на убой горемыка решил пообщаться. Жестами. Я немного полюбовался на его кривляния, а потом лег на пол, демонстративно повернувшись спиной. Они решили мне друга привести, что ли? Он теперь все время будет там жить, в качестве воплощения моей совести? Чертовы клоуны.

Прожил сосед часов двенадцать. Мне как раз хватило времени, чтобы сладко выспаться. К бетонному полу я уже привык. Когда я проснулся, рядом со мной лежало огромное мачете.

Раньше мне оружие не доверяли. Даже такое примитивное. Все жертвы были значительно слабее меня, либо связаны. Мне предлагалось душить их, ломать им шеи, забивать до смерти. Я решил не трогать клинок, чтобы не пугать соседа.

Однако, поднявшись, я обнаружил, что он вертит в руках аналогичный предмет. Очевидно, он занимался этим уже какое-то время, в отличие от меня не будучи в силах уснуть. Увидев, что я за ним наблюдаю, он сделал несколько агрессивных выпадов, и широко улыбнулся, показав мне большой палец.

Господи, где они нашли этого идиота? Его засунули в бетонный бункер, охраняемый сворой убийц, и всучили полуметровый ножик. Он правда думает, что тюремщики добровольно предоставили ему орудие самообороны?

— Доброе утро, господа, — голос эрзац-Макса по интеркому, как обычно, не выражал каких-либо эмоций. — Разрешите вас представить. Капитан Александр Рогожин, специальные службы России. Питер Брайт, младший бухгалтер, Анкоридж, Североамериканские штаты. Все очень просто, господа. Один из вас должен убить другого. Если вы оба откажетесь драться, то господина Брайта умертвим мы. Смерть его будет крайне болезненной и неприятной. Начинайте.

Разделяющая комнаты перегородка медленно опустилась. Бухгалтер так и стоял посередине пыточной, судорожно сжимая в руках мачете. Разумеется, он не мог поверить в то, что услышал. Я решил не провоцировать его и дружелюбно улыбнулся, не делая попытки притронуться к оружию.

— Это такая игра, — непринужденно сообщил я. — Правительство проводит психологические испытания. Кто будет делать то, что они просят — проиграет. Нельзя нарушать закон.

Довольно подло с моей стороны, разумеется. Мне-то бездействие ничем не грозило, и обладатель фиолетовых линз лишний раз дал мне это понять.

— Никаких игр, — недовольно прогудел в микрофон доморощенный ланиста. — Вы слышали меня, Питер. Это русский диверсант. Он хотел взорвать школу в вашем родном Анкоридже. Вы же хотели поступить на работу в Министерство юстиции? Это проверка вашего гражданского мужества. Если вы откажетесь, нам придется вас ликвидировать. Вы теперь слишком много знаете. Или вы с нами, или покойник.

— Да что за бред... — начал было я, но бухгалтер уже лез через приспущенное стекло, яростно сверкая глазами.

— Проклятая русская свинья...

Теперь понятно, где они его откопали. На каком-нибудь русофобском форуме. Решиться перейти черту легко, если думаешь, что перед тобой объект многолетней ненависти.

— Успокойся. — На самом деле я не слишком рассчитывал на слова, тем более с русским акцентом. Пальцы уже легли на рукоять мачете. Вслед за ощущением холодного пластика пришел и страх. Я же не умею драться. Тем более этим. Вдруг ботаник передо мной — местный чемпион по фехтованию? Большие мышцы для этого не нужны. Но даже если он полный неумеха, это значит лишь, что наши шансы равны.

Наверное, он тоже ошалел от страха. Реакция на опасность может быть разной. Кто-то замирает. Кто-то бежит. Кто-то включает берсерка и бросается на противника.

Собственно, схватки не получилось. Гуру фехтования и ножевого боя наверняка попадали бы на пол от смеха, увидев подобное шоу. Не было ни хитрых выпадов, ни уклонов, ни звона скрещивающихся клинков. Питер просто подбежал ко мне с высоко поднятым мачете, рассчитывая раскроить череп первым же ударом, когда я схватил свое, и ткнул им в живот противника.

— На вас пришлось потратить очень много времени. — Генерал брезгливо поджал губы, давая понять, насколько он недоволен поведением заключенного. — С вашими друзьями было проще. Особенно с девушкой. Это при том, что вы не отличаетесь ни храбростью, ни принципиальностью, ни сообразительностью. Одно бессмысленное упрямство и нежелание принять на себя ответственность даже тогда, когда это необходимо. Наглядный пример того, как социальные императивы подавляют самые изысканные генетические новации.

— Я тоже много чем недоволен, — не преминул сообщить я. — Начиналось все с того, что нас обещали не портить. Но портили, и очень сильно. Вы не собираетесь нас убивать? Уже закончили зачищать округу от детей, секретарш и бухгалтеров? Тогда, может, расскажете, зачем все это?

Собственно, недоволен я был не только этим. Мне даже не дали отмыться от крови бедняги Брайта. Он еще не испустил дух, когда в комнату ворвался десяток солдат в масках. Ко мне они приблизились лишь после того, как по их приказу я отбросил оба мачете в другой конец комнаты и лег лицом вниз с заложенными за головой руками. На меня надели две пары кандалов — не только ручных, но и ножных, и поволокли на другой этаж.

Теперь я удостоился чести пообщаться с генералом. Прикованный к стулу, в свою очередь приваренному к полу, под прицелом шокера фальш-Макса. Ясное дело, я же опасный убийца, только что доказавший свою кровожадность.

— Прежде всего вам хорошо бы понять, что мое решение привлечь вас в свою... организацию — это просто один из вариантов развития событий. Ваше уничтожение также является вполне приемлемым. Вот Саан считал, что именно так и нужно было поступить.

— И до сих пор так считаю, хозяин... — пробормотал мой мучитель. Наконец-то я знаю его кличку. Макс был мне симпатичен. Жаль, если они родственники. Не «генерал» и не «босс». «Хозяин», подумать только.

— Я не люблю повторяться, — высокомерно отрезал Кастор. — Расскажу всем троим. Завтра. Пока отдыхайте. И отмойтесь. От вас разит.

Мне не стали завязывать глаза, когда тащили в уже знакомый стальной бункер. Два этажа вниз от кабинета генерала. Сейфовая дверь, перед ней — полдюжины бойцов в полной боевой выкладке. Знаки различия американской армии. Интересно, они все действительно солдаты? Вряд ли, скорее какая-то спецгруппа, подчиненная непосредственно хозяину цитадели. На базе, должно быть, сотни военных. Не думаю, что большинство из них одобрили бы сожжение детей или даже убийство бухгалтеров.

Франческа и Джим уже ждали внутри. Дом, милый дом. Мой двойник, как обычно, выглядел решительным и сосредоточенным. Только почему-то все время прятал глаза. Девушка больше ничем не напоминала ту, что так яростно вещала мне о вселенской справедливости несколько дней назад. Еле слышно ответив на мое приветствие, она отвернулась к стенке и никакого интереса к общению не проявляла.

Я не стал спрашивать у них, что они сделали, чтобы оказаться в камере раньше меня. Подвергали ли нас одним и тем же испытаниям? На какой стадии они решили, что с них хватит? Большим моралистом я не был. И уж тем более не был готов кого-либо осуждать за такую малость как убийство.

ГЛАВА 9

Выспался я просто отлично. Настоящий горячий душ, шикарный ужин со стейком, показавшаяся невероятно удобной после бетонного пола койка. Утром я с удовольствием уплел двойную порцию завтрака — Франческа и Джим едва притронулись к омлету, а тосты достались мне безраздельно.

На этот раз обошлось без шоковых гранат. Нас по одному вызывали в тамбур, где парочка амбалов сноровисто заковывала пленников в кандалы. Теперь уже не две, а три пары. Руководил процессом не Саан, а Казанова, оперативный псевдоним которого мне так и не сообщили. Уводили нас также по одному, в ту самую комнату, где я общался с генералом накануне.

За ночь к полу приварили еще два металлических стула. Мне достался крайний правый, девушку приковали посередине. Казанова придирчиво проверил все цепи и замки, после чего кивнул в камеру невидимым наблюдателям. Вопреки моим ожиданиям, первым в комнату зашел не генерал, а какой-то невероятно толстый тип. Ростом с меня, он был огромен — настоящая гора жира, упакованная в джинсы и безвкусную клетчатую рубашку. Плюхнувшись на жалобно заскрипевший под его весом стул, незнакомец принялся недружелюбно буравить нашу троицу маленькими злобными глазками.

Минут через пять к нему присоединился Саан. Изменять своим привычкам он не стал, явившись в американской военной форме. И шокер прихватить не забыл, положив его перед собой на стол. Казанова остался стоять за нашими спинами.

Итак, я не ошибся — генерал определенно сбрендил. Годы работы на дядюшку Сэма не прошли даром. Слишком много грязных миссий, крови, тайн. Форменный комбинезон остался в шкафу, и почтенный Филипп Кастор на сей раз обрядился в тяжелую с виду рясу грязно-серого цвета, подпоясанную ремнем с огромной пряжкой. На пряжке, насколько я мог судить, была изображена голова дракона. В руках то ли рыцарь, то ли монах держал огромный боевой топор.

Немного странно, конечно, что крыша у него съехала на средневеково-фэнтезийной тематике. Ну он хотя бы не воображал себя трансформером или Бэтменом. Может, ему кажется, что он эльф? То-то белые патлы отрастил. Впрочем, у Василевского такие же. Генерал небрежно бросил тяжелый топор на стол и уселся между Сааном и толстяком.

— Вы не поверите ничему из того, что я сейчас скажу, — скучающим голосом сообщил он. — К сожалению, поскольку я уже решил привлечь вас на свою сторону, придется потратить какое-то время на убеждение. Если мы не договоримся, я отрублю вам головы. Сам. Вот этим.

Руки генерала легли на топор, а пальцы Саана — на рукоять шокера. Наверное, он думал, что мы взбесимся, и порвем три ряда титановых цепей. Еще один патологический псих.

— Ну так давайте, убеждайте. — Мои товарищи молчали, а у меня как обычно некстати начался словесный понос от страха. — Вы в своем ордене Великий Магистр, или есть кто повыше чином? Кому поклоняемся? Христу, Вельзевулу, Губке Бобу?

Мне показалось, что толстяк сейчас прыснет, но он благоразумно сдержался. Не сказал бы, правда, что его взгляд, обращенный на меня, стал дружелюбнее. Саан поднял шокер, намереваясь угостить меня разрядом за неуважение к хозяину, но тот лишь фыркнул.

— Это наше традиционное одеяние, — генерал говорил на удивление спокойно. — Лет ему больше, чем вы можете себе представить. И да, одежда ваших священнослужителей содрана с него. Орден? Ну, если угодно. Есть я, и близкий круг моих помощников. Некоторых из них вы видели. Их не так много, и я хочу, чтобы вы присоединились к ним. И есть довольно большая организация, которой я руковожу. В ней тысячи членов, но все они, по большому счету, легко заменяемы. Даже те, кого вы каждый день видите по телевизору. То, чему я поклоняюсь, лежит за пределами вашего понимания. Вам это знать необязательно. Я не поклоняюсь Христу, Мохаммеду или Будде. Я тот, кто их придумал. А значит, я ваш бог. И все, что вам нужно — принять этот факт.

Я с уважением посмотрел на Кастора. Да уж, недооценил чертяку. Сначала я думал, что у него тут небольшая грязная спецоперация, потом — что он свихнувшийся на рыцарстве недомасон. А тут, оказывается, в недрах Пентагона взращен целый культ с претензией на мировое господство. Интересно, Василевский со товарищи знает? Похоже, у них куда больше поводов для беспокойства, нежели похищенное начальство.

— Вы неплохо сохранились для своих трех тысяч лет, — подал голос Джим. — Вечная жизнь в сделку входит? А подписываться обязательно кровью? Прошу учесть — я боюсь иголок.

— Ну прямо цирк на выезде... — негромко пробормотал толстяк. Его роли в происходящем я не понимал. Может, это личный психиатр генерала? Носит за ним чемоданчик с успокоительным, когда тот совсем уж отрывается от реальности.

— Мне почти пять тысяч лет, — Кастор явно серьезно настроился на разъяснительную работу. — Я один из старейших в своем роду. Пока вы тут находились, мои помощники собрали на вас досье. Вы все полицейские. Все трое — атеисты и скептики. Это хорошо. Типично для вашего рода. Плохо то, что обществу все же удалось превратить волков в овец. Этот разговор должен был состояться много дней назад. Но я слышал, что и как вы обсуждали в камере. Какое-то жалкое хныканье. Пришлось прибегнуть к определенным мерам, чтобы напомнить вам о том, кто вы есть.

Я мучительно думал о том, как бы подыграть безумцу. Вербовка — это прекрасно. Поцелую топор, или что там еще нужно сделать, и — свобода. Хотя бы относительная. Главное, добраться до коммуникатора и позвонить Олесе. Мерзавец Стоцкий засунул меня сюда, пусть теперь вытаскивает. Надо задавать вопросы, но так, чтобы направить его болезненные фантазии в практическое русло.

Псих он или нет, но здесь на него работают несколько десятков человек. Василевский, способный одинаково успешно выдавать себя за агентов правительств трех стран — явно на самой верхушке шпионской «пищевой цепи», а он воспринимает генерала очень серьезно. Так что тот может верить, что живет пять тысяч лет, или общаться с духами предков, или думать, что он — сама Мать-Природа, но это вовсе не означает, что тысячи последователей по всему миру — такой же бред.

— «Определенным мерам»? — А вот Джим не собирался униматься, или подыгрывать Кастору. — Да какой вы к черту генерал? Какой американец? Вы что, думаете, вам это сойдет с рук?! Вы закончите жизнь в газовой камере. Я, специальный агент Федерального бюро расследований Джеймс Ти Васкес, арестую вас по обвинению в государственной измене, терроризме, похищении федерального агента, заговоре с целью убийства гражданских лиц. Вы имеете право хранить молчание...

— Ладно, ладно, — поспешно вклинился я. — Пошутили, и хватит. У генерала к нам какое-то деловое предложение. Давайте же его выслушаем. Не будем забывать, что нам всем пришлось сделать кое-что, чем сложно гордиться. И у генерала есть записи, которые покажутся очень любопытными властям США, даже если нам удастся выбраться из-под его... опеки.

Я лукавил. Пусть по мнению похитителей я и прошел испытание, но видеозапись вряд ли могла так уж сильно мне повредить. Даже если они убрали звук, должно быть ясно видно, что я действовал в состоянии самообороны. Я не знал, что сделали сокамерники. Мы об этом не говорили. Может, им не пришлось пройти через то же, что и мне. Но факт состоял в том, что Джима вернули в камеру на три дня раньше меня, и Франческа уже была там, отрешенная и подавленная, о чем мне рассказал сам Джим.

— Вы не можете меня арестовать, — скучающе пояснил хозяин базы. — И никто не может. Нет на Земле такой силы или правительства. Остановить меня могут лишь мои братья. И чтобы этого не случилось, я удерживаю одного из них. Поэтому они крутятся здесь уже два года. Но они улетят. Их план не будет исполнен, потому что будет исполнен мой.

Возможно, он был психопатом. Но теперь я понимал, что крышу генералу снесло не на почве чтения Библии, Корана или «Властелина колец». Он думал, что инопланетянин, чьи сородичи прилетели к нам на огромном корабле, уже два года кружащем над планетой. Что ж, прибытие гостей свело с ума немало народу. Только почему мне вдруг стало казаться, что это не такой уж и бред?

— И в чем состоит ваш план? — Прекрасный вопрос, Александр. Как и задумано — проявляем интерес, от фантазий переходим к фактам.

— Вы забегаете вперед, — с некоторой досадой отозвался генерал. Мне подумалось, что в своих реакциях он гораздо естественнее и человечнее Василевского. Ну, если они одного инопланетного рода. Хотя бы Джим перестал вступать в беседу. Франческа смотрела прямо перед собой и не демонстрировала какого-либо интереса к разговору. Я повидал много жертв изнасилований, но ее реакция на произошедшее меня удивляла. В конце концов, она не была нежным цветком или наивной выпускницей церковной школы. Три года в спецназе. Там должны готовить к такому.

— Думаю, выражу всеобщее мнение, если скажу, что последние две недели не были самыми приятными в наших жизнях, — пусть я и пытался возражать, но мой голос был слаще патоки. — Мы бы очень оценили, если бы нам дали знать о нашей роли в этой истории как можно скорее.

— Я ждал этого момента сотни лет, — огрызнулся Кастор. — Подождете и вы. Мне нечасто приходится рассказывать эту историю самому. Обычно это делает Саан, если уж я решаю кого-то посвятить. Но и это происходит крайне редко. Саан — из рода, чей век ненамного длиннее вашего. Я — тот, кто видел. Я — тот, кто делал. Цените же.

Все, что вы когда-либо слышали о возникновении человечества — ложь. Десятки тысяч лет назад наша раса расселила другие по сотням планет. Каждая цивилизация существовала в мире и благоденствии под нашим правлением. Но пришла большая война, и нам пришлось оставить все

колонии, уничтожив следы нашего пребывания. На тысячи лет миры оказались предоставлены сами себе. Почти без исключений они деградировали, погрязнув в конфликтах.

Несколько тысяч лет назад, решив проблемы своего мира, мы отправились проведать бывших подданных. Жалкое зрелище. Разрушенные цивилизации, одичалые орды, заново учащиеся добывать металлы. Тратить ресурсы на управление бесполезными землями мы не могли. Тогда один из нас предложил план, который приняло большинство. В неточном переводе его название звучит как «Возвращение». Мы не стали устанавливать власть над колониями. В каждой мы нашли группы людей, которые сохранили знания о том, каким был мир до краха. Пусть лишь как мифы, доставшиеся от предков. Они должны были объединить планеты под единой властью. Создать новую цивилизацию. Такую, возиться с которой имело бы смысл для нас.

Мы придали им сил. Подказали, где лучше строить города. Как эффективнее возделывать поля. Как организовать армию и заставить другие народы служить себе. В некоторых мирах мы дали им богов. Сначала многих, чтобы они знали, как должен быть устроен мир. Но в таком сложном мире, как Земля, эти боги не объединяли — они разъединяли народы. И тогда я придумал единобожие. Один бог — и жестокий к отступникам, и милосердный к верным слугам. Основа, чтобы сгладить этнические различия. Больше не важно, какого цвета у тебя кожа или на каком языке ты говоришь. Важно, в какого бога ты веришь.

— Вы еще долго будете нести эту ересь? — не выдержала Франческа. Надо же, он обозвал ее атеисткой, но истая итальянка не могла спокойно слушать, как католицизм сводят к занятому социальному эксперименту.

— Пока не закончу, — несколько удивленно ответил Кастор. Может, он и породил нашу цивилизацию, но некоторые вещи воспринимал слишком буквально.

— К сожалению, мы не могли слишком часто появляться в каждом мире, чтобы контролировать процесс возрождения, — продолжил он после секундной паузы. — Земля посещалась раз в сто лет, а то и реже. Менялись поколения, и нам каждый раз приходилось напоминать слугам, что мы не миф, и что их цель — строительство нового мира, а не набивание кошельков или удовлетворение похоти. Они склонялись, но стоило нам уйти — распри возникали снова. Я ошибся, сделав ставку на религию. Единоверцы резали глотки друг другу так же охотно, как еретикам. Они даже умудрились расколоть единые религии на десятки течений, одно глупее другого.

Земля была моей ответственностью. И она отставала в развитии от других планет. Это могло стать моим личным позором, и я добился более частых визитов. Я перестал уделять столько времени религии, и сконцентрировался на людской жадности. Испанцы, а вслед и англичане отправились через моря в поисках добычи. Так возник испаноязычный мир и окрепла Британская империя. Объединение мира шло удачно. Прошло не столь много времени даже по меркам вашей истории, и несколько европейских государств уже контролировали основную часть поверхности. Остальное должно было быть просто — объединение Британии, Испании и Франции монархическими связями. Началась промышленная революция. Никто в Европе и в остальном мире не смог бы сопротивляться их мощи.

Но в конце восемнадцатого века я был вынужден вернуться домой, и мои слуги упустили контроль за ситуацией. Американская революция. Французская революция. Укрепление Российской империи. Наполеон и его амбиции. Независимость испанских колоний. Повсеместная отмена рабства. Я вернулся в конце девятнадцатого века и увидел, что мир все еще разобщен. Что есть тайная сила, которая противостоит мне. Тогда я взялся за дело сам, и с тех пор не покидал планету.

Ключ к правлению миром — информация. У меня есть скрытые спутники-шпионы на орбите. Но даже они не могут подслушать, о чем говорят двое в закрытой комнате. Они не могут прочитать письмо, написанное кем-то при свете лампы. Тогда я дал людям телефон и радио. Теперь я знал гораздо больше. Ведь все, что передается по проводам, и любой сигнал на радиоволне могут быть перехвачены. Я стал подгонять научно-технический прогресс, чтобы на Земле появилось то, что давно было на других планетах. Дирижабли. Самолеты. Карбюраторные двигатели. Конвейерное производство.

Поняв, что люди охотнее всего вкладываются в технологии войны, я дал им то что нужно. Первая мировая, вторая. Холодная война, породившая Американскую империю. Ракетные двигатели. Ядерное оружие. Телевидение. Компьютеры. Мобильная связь. Интернет. Сейчас Земля ушла в развитии гораздо дальше других планет. И как никогда близка к объединению...

— В мире двести пятьдесят стран, — перебил его Джим. — Вы это называете объединением?

— Миром сейчас управляют тридцать шесть семей, — холодно возразил Кастор. — Когда-то, когда я только начинал всерьез заниматься Землей, их было несколько сотен. Эти семьи контролируют девяносто процентов экономики и ресурсов. Они назначают и смешают правительства всех значимых стран. Сейчас идет борьба между кланами. Слабые падут. Когда их останется пятнадцать, конфликты

прекратятся, и будет создано единое правительство. Экологическая и экономическая ситуации к тому моменту станут настолько плохи, что население с восторгом встретит перемены. Это мой план. Мне нужно еще сорок лет. Жалкие сорок земных лет.

— А собратья хотят вам помешать, — догадался я. — Они за этим явились? А их план в чем состоит? Разве не в объединении?

— Они считают, что я действовал слишком быстро, — признался генерал. — Что цивилизация не может адекватно реагировать на столь стремительный прогресс. Что люди стали слишком жестоки, и, в конечном счете — неуправляемы. Что созданный мною мир — безумен. Непригоден для интеграции. И они хотят его уничтожить.

ГЛАВА 10

— Я смотрел этот фильм. — Джим не дал эффектной паузе растянуться надолго. — Мы трое, значит — потомки древних воинов. Единственные, кто способен защитить планету от злых пришельцев. Они обязательно спустятся, чтобы сразиться с нами лицом к лицу. С топорами. Ведь разбомбить планету с орбиты — неспортивно. А мы их — лазерами из глаз.

— Нет, это другой фильм, — захихикал толстяк. — Вернее, книжка. Та, где четыре молотца разносят мир на кусочки, потому что он боженьке не угодил.

— Мы... мы всадники апокалипсиса. — Франческа захохотала в голос. Смех не прекращался добрую минуту, сменившись всхлипываниями. Истерика. Эти мрази все же сломали девчонку. За это они мне тоже ответят. Как-нибудь. Когда-нибудь.

— Надеюсь, я не Голод? — озабоченно осведомился Джим. — Я много занимаюсь спортом, мне нужно полноценное питание.

— Я бы послушал подробности, — миролюбиво вклинился я. — Ну правда, интересно же. Серьезные люди приложили усилия, чтобы мы оказались здесь. Вряд ли для группового чтения Нового завета.

— В Библию вошло много информации, основанной на реальных событиях, — сухо подтвердил Кастор. — Как часть подготовки к тому, что ожидает человечество. В то время мне это казалось очень занятной идеей. Когда я принял на себя ответственность за развитие Земли, многие братья сомневались, что я справлюсь. Ведь эта планета уникальна. Тогда они поселили здесь четыре рода. Представители по крайней мере трех из которых выжили, и сейчас сидят передо мной. Нет, у вас нет лазеров в глазах. Но если вас пробудить, вы станете очень сильны. И дело не в том, что вы можете уничтожить человечество. Втроем вы вполне способны разрушить мою организацию. А может, и убить меня самого.

Вы — наследие большой войны, через которую прошел мой народ. Тяжелой гражданской войны, после которой было решено, что ни один из нас больше не поднимет руку на соплеменника. Расы, живущие на одичалых планетах, слишком слабы, чтобы причинить нам вред. Но вы... остатки племени солдат, созданных специально для того, чтобы уничтожать таких, как я. Вами нельзя манипулировать. Нельзя к чему-либо принудить. Вы хитры, изворотливы и подчиняетесь лишь своему долгу — как вы его понимаете.

Братья не станут ни с кем драться. Или сбрасывать на вас ядерные бомбы. Если бы я отказался покинуть планету, они сделали бы то же самое, что сейчас делаю я. Собрали бы вас вместе. Убедили в том, что я — исчадие ада, с которым нужно покончить. Пробудили бы ваши силы. Дождались, когда вы убьете меня и разрушите то, что я создал. А потом улетели и никогда не вернулись. А без меня, поверьте, человечество не протянет и века. Я управляю сложным процессом. Должно стать хуже, прежде чем станет лучше. Но если я умру, «лучше» не наступит никогда.

Поэтому я захватил заложника и велел привезти вас. Поэтому подверг вас испытаниям. Вы должны были проявить себя. Понять, кто вы есть. Когда я пробужу вас, вы станете самыми опасными хищниками на этой планете. Встав на мою сторону, вы сможете спасти ее. И получите в награду все что пожелаете. Вы сможете стать властелинами этого мира.

— Пятнадцать минут назад вы утверждали, что стоите за двумя мировыми войнами и чуть ли не всеми конфликтами за последние сто пятьдесят лет. — Разумеется, Джим не поверил ни слову из сказанного, а теперь еще и искал логические нестыковки. — А мы теперь должны на вас работать? И чем заниматься — развязать третью мировую или истребить парочку наций?

— Ты смотри какой моралист выискался, — осклабился толстяк. — А кто у нас четыре дня назад забил стулом безвинную девушку двадцати трех лет от роду? Гадкое зрелище, надо сказать. Особенно когда во вкус вошел — молотил и молотил...

— Заткнись. — Побледневший как полотно Джим, казалось, и вправду сейчас разорвет три ряда титановых цепей. — Мы не такие. Мы слуги закона...

— Мы такие... — еле слышно прошептала Франческа. — Мы именно такие. Я... я даже не думала о том, что делаю. Для меня все было ясно. Один должен умереть, чтобы пятеро жили...

— В вас что-то заложили, что определило выбор профессий, — задумчиво сказал Кастор. — Вашему роду нужна цель, предназначение. Вы стремитесь к порядку. Стать частью организованной структуры с четким подчинением. Но любой ваш выбор должен быть логически обоснован. Поэтому вы не конформисты, и не должны сильно меняться под влиянием среды. И инстинкты должны доминировать, даже если вы еще не пробудились. У двоих из вас все в порядке. А вот с русским — проблемы...

— Нету со мной никаких проблем, — мне вовсе не хотелось оказаться выбракованным, когда вкус свободы был уже так близок. — Кого хотите на куски порубаю. Пяток детей? Заводите.

— Ты слишком долго колебался, чтобы сделать то, что тебе должны были говорить инстинкты. — Теперь белокрытый гигант смотрел мне прямо в глаза. — А сейчас слишком сильно лебезишь. Возможно, мне подсунули фальшивку. В любом случае, вас всех нужно проверить.

Дверь отворилась, и в комнату по-кошачьи бесшумно проскользнула Марра.

Облегающее зеленое платье, надо признать, прекрасно сочеталось с ее изумрудными глазами. Неспешно пройдясь за нашими спинами, она дотронулась до головы каждого. Мне почему-то подумалось, что сейчас у нас вырвут по клоку волос, необходимых для создания куклы вуду, но обошлось без этого. Небрежно подвинув топор генерала, рыжая привычно для себя уселась на стол и принялась разглядывать нашу троицу глазами голодной пантеры.

— Ну что? — первым не вытерпел толстяк. — Что видишь?

— Они одинаковые, — облизнув губы, протянула Марра. — Не вижу отличий. И они не такие, как ты. Но это не значит, что они Пятые. Может, это Невидимки. Никогда не видела Невидимку.

Она захихикала и закинула ногу на ногу, обводя нас по очереди взглядом, исполненным веселого безумия. Я с тоской подумал, что если этот опыт провалится, генерал может перейти к более надежным методам. Например, препарировать кого-нибудь из нас.

— Нужен ударный тест, — вмешался Саан. — Если они Пятые, Марра не сможет им навредить.

— Это лишь теория, — возразил Кастор. — Никто никогда не сводил Настройщиц с Пятыми. Если мы ошибаемся, то потеряем их.

— Только одного, — обладатель фиолетовых глаз определенно считал, что это беспрюирышный вариант. — Зато будем знать точно. И если Настройщицы могут их убивать, у нас будет преимущество. А выжившие будут знать свое место.

— Мне нужен кто-нибудь для разминки, — капризно промурлыкала рыжеволосая красавица, как только генерал неохотно кивнул головой, давая свое одобрение. — Кто-нибудь большой и сильный.

— Позови человека, — распорядился командующий, обращаясь к Казанове. — В коридоре должны найтись подходящие.

— Нам еще могут понадобиться эти ресурсы, хозяин, — неуверенно заметил тот. — Будет сложно объяснить...

— Нет, мы меняем команду и дислокацию, — отрезал Кастор. — Здесь все закончится через пару дней в любом случае. Генералу Кабору конец. Подготовьте следующую личность. И мне надоело сидеть в бункере. Пусть это будет крупный бизнесмен, живущий в большом доме с видом на океан. Страна — любая. Лишь бы воздух почище.

— Да, хозяин. — Казанова вышел за дверь, и через минуту вернулся с двухметровым типом в маске.

— Сэр... — Тот вытянулся по струнке перед липовым генералом. Если его и удивило одеяние начальства, то виду он не подал.

— Сейчас мы проведем небольшой эксперимент, сержант, — ласково сказал его наниматель. — Встаньте, пожалуйста, рядом с пленными.

— Может, ему снять броню? — поинтересовался Казанова после того как солдат занял указанное ему место.

— Не стоит, — теперь Марра улыбалась уже знакомой мне плотоядной улыбкой, не сулившей ничего хорошего. — Так интересней.

Отойдя метров на пять от сержанта, она подняла руки к груди ладонями вверх. Воздух вокруг нее начал колебаться, образуя прозрачную дымку, которую мне уже довелось наблюдать. Закрыв глаза,

рыжая что-то беззвучно шептала. Воздух продолжал сгущаться, постепенно принимая иссиня-черный оттенок. Тут и там проскакивали угрожающе потрескивающие статические разряды.

Стоявший рядом со мной детина переминался с ноги на ногу, встревоженный зрелищем напротив себя, но не смеющий послушаться приказа или хотя бы просто подать голос. Все закончилось менее чем через минуту. Когда темнота вокруг нее достаточно сгустилась, Марра резко отвернула ладони от себя, издав торжествующий вопль. Невидимая сила ударила сержанта в грудь, швырнув стокилограммовую тушу в полной боевой выкладке на стену. Он остался лежать там, как огромная поломанная кукла, с неестественно вывернутыми руками и ногами.

— Теперь давай русского. — Со своим выбором генерал явно определился уже давно.

У них ушло некоторое время на то, чтобы обсудить, стоит ли отвязывать меня от стула. В итоге Кастор решил, что это бессмысленно. Силы Марры либо прикончат меня на месте, либо не окажут какого-либо эффекта. Мои товарищи по несчастью пытались робко возражать, а Франческа даже предложила провести эксперимент на ней. Но она была одна, а мужчин двое. К тому же, по мнению генерала, из всей троицы именно я являлся слабым звеном.

Прощание получилось скомканным.

— Удачи, бро, — пробормотал Джим куда-то перед собой. Я подумал о том, станет ли он включать мою смерть в свой рапорт начальству. Русский двойник, наверное, не упрочит его карьерные позиции. И вообще, не исключено, что с точки зрения ФБР убийство иностранца — лишь незначительное административное правонарушение. Все равно что опоссума пристрелить.

— Прости... — прошептала Франческа. Извиняться передо мной ей было не за что. Возможно, сейчас она думала вовсе не обо мне.

— А можно, я его сожгу? — Воодушевленная успехом предыдущего эксперимента Марра, похоже, решила поднять ставки.

— Ты же вроде ударку тренировала, — напустился на нее Саан. — Давай-ка без излишеств.

— И вонищи-то будет, — поддержал его толстяк. — Таким только на свежем воздухе развлекаться можно.

— Ну и пожалуйста, — Обиженно надув губки, рыжая отступила на несколько шагов, разглядывая свою жертву. — Думаю, все получится. Впечатая его в стул. Одна кашлица останется.

— Да уж: лучше, чтобы у тебя получилось. — На самом деле я радовался, что сходил с утра в туалет и не рисковал теперь обмочиться от страха. — Ты же не думаешь, что я тебе это забуду?

Она лишь захихикала, снова накапливая энергию из воздуха. Что же это за треклятое существо такое... Десять секунд. Двадцать. Тридцать. Сорок. Я зажмурился, подумав о том, что все же сдержался и не стал молить о пощаде. Хоть какое-то подобие достойной смерти. Если забыть о кашлице на стуле. Комнату заполнил победный клич Марры.

Ничего. Ну ладно, почувствовал какой-то легкий ветерок, мягко обдувший мне лицо. Я осторожно открыл глаза. Рыжая тяжело дышала, пялясь на меня с нескрываемой досадой. Саан выглядел слегка разочарованным, а генерал с толстяком — напротив, довольными. Казанова прятался где-то за нашими спинами.

— Это Пятый, — констатировал Саан. — Но нужно проверить и остальных.

Марра явно утратила всякий энтузиазм. Воздух вокруг нее теперь темнел совсем немного, искорки бегали с лентой, а победный вопль хищницы сменился каким-то недовольным кряканьем. Франческа и Джим слегка напрягались, когда рыжая пыталась окатить их ударной волной, но, как и в случае со мной, ничего не происходило.

Для меня все это, признаться, было слегка чересчур. Шпионы-двойники, невиданные контактные линзы, неизвестный мне язык, который я почему-то понимал. Теперь девушка, без каких-либо приборов генерирующая силовое поле непонятной природы и обещающая сеанс пирокинеза. Даже если принять на веру слова Кастора о том, что он инопланетянин, рационального объяснения происходящему я не находил.

— Вполне удовлетворительно, — генерал наконец скупой одобрил старания своей помощницы. — Даже непробужденные, они понимают исходный язык и могут противостоять Настройщикам. Это все можно использовать. Хорошо, что я их не убил.

— Мне приступать? — заерзал на стуле толстяк. — Вы говорили, что это не займет много времени. У меня еще важные дела.

— Если ты о запертых у тебя в подвале маленьких девочках, — бесстрастно заметил Саан, — то они вполне могут пропустить один ужин. Вряд ли от этого они станут еще больше тебя ненавидеть.

— Мои девочки меня любят, — облизнул губы жирный подонок. — И мальчики тоже. Когда вы просили восемнадцать штук для эксперимента, то не жаловались. У меня столько и не было, пришлось наловить по-быстрому. А здесь, между прочим, не Калифорния. Уже вся полиция штата на ушах стоит, сейчас и ФБР подтянется. Возможно, мне придется переехать. Надеюсь, мне компенсируют все неудобства?

— Даже не сомневайся, — несколько зловеще пообещал Саан. — Тщательно учтем каждую твою жалобу.

— Просто это было бы справедливо... — Толстяк несколько стусевался, и сменил тему: — Так мне делать?

— Погоди. — Кастор на несколько секунд задумался. — Какой смысл делать это сейчас? Они в замешательстве и не знают, чему верить. Пока они не на нашей стороне, это опасно. Кто знает, что еще они могут. Нужно показать им.

— Вы думаете, это разумно, хозяин? — Сообразив, о чем речь, Саан теперь смотрел на босса с тревогой. — Он может напасть. Вы же не станете одевать на него цепи?

— Разумеется, нет. — Сама мысль, похоже, показались генералу дикой. — Но он уже давно никого не убивал. Вы все пойдете со мной. И двенадцать человек прикрытия. Пока он будет заниматься ими, вы успеете вывести Пярых.

— Мне тоже идти? — Идея Кастора явно привела толстяка в ужас.

— Нет. Он о тебе не знает, и не должен узнать. — Приняв решение, генерал начал отдавать распоряжения: — Подготовить отряд. Марра, создашь защитное поле. Это его задержит. Знаю, после тебе будет плохо. Переживешь. Все должны оберегать Пярых, даже ценой своих жизней. Если они умрут, я буду очень недоволен.

ГЛАВА 11

Пока подчиненные занимались приготовлениями, Кастор проводил инструктаж пленников.

— Сейчас мы пойдем навестить того, ради кого братья выдали вас мне, — генерал слегка скривился, переходя к неприятной для него теме. — Он мой брат. Не в том смысле, что остальные. Родной брат. На сотни лет старше меня. Семейные связи у нас значат меньше, чем обычно у людей, и все же... В нашей цивилизации он занимает высокое положение. Именно он отвечает за реализацию плана «Возвращение». За интеграцию всех планет. Именно он признал Землю непригодной для того, чтобы снова стать частью нашего сообщества. И землян он не жалуется. Когда я захватил его, первые несколько месяцев он убивал каждого человека, входившего в его комнату. Сколько их там было?

— Сорок четыре, — пробормотал Саан. — Охранники, приносившие ему еду. Тогда мы заменили их на симпатичных самок. Их он тоже убивал. Мы стали посылать детей. То же самое. Хозяину приходилось долго носить ему еду самому. Но у хозяина много дел, он не всегда на месте. В итоге поселили его в камере вроде вашей. С тамбуром.

— Но сейчас он вроде бы не агрессивен, — попытался успокоить нас Кастор. — Думаю, в моем присутствии он не станет чудить. Но чтобы все сработало, нужно придерживаться правил. Во-первых, он должен поверить, что вы уже перешли на мою сторону. Так что придется снять с вас оковы. Вы должны обещать, что будете вести себя благоразумно.

— Ну а толку в наших обещаниях? — вяло поинтересовалась Франческа. — Вы вот обещали отрубить нам головы, если что-то пойдет не так. Неужели вы думаете, что мы будем играть по вашим правилам, если представится шанс бежать?

— Нет, не думаю, — согласился генерал. — Но пока вы не пробуждены, я вполне могу справиться с вами и один. А с нами пойдут Саан, Л'Гил и Марра. И еще двенадцать спецназовцев — лучших, что можно найти за деньги. Так что никаких шансов у вас не будет. Кроме того, разве вам не интересно узнать правду? Безумен ли я, или ваша планета действительно в опасности? Мы договорились?

Наша троица переглянулась, и каждый неохотно кивнул головой.

— Прекрасно, тогда второе, — заполучив наше согласие, предполагаемый инопланетянин сменил тон с увещательного на командный. — В комнате вы будете беспрекословно выполнять любые мои приказы. Не только для того, чтобы убедить брата в вашей верности мне. Это необходимо для вашей же безопасности. Далее. Мы будем общаться на исходном языке. То, что Пярые владеют им с рождения, новая информация для нас. Так что брат не будет знать, что вы нас понимаете. Вы же не должны реагировать, что бы вы ни услышали. Только так вы узнаете истину, причем из первых рук. Тогда сами решите, какому дьяволу служить.

— Кстати, что за язык-то? — не смог смолчать я, когда Кастор взял паузу. — И почему мы его понимаем?

— Я же сказал — не знаю, — буркнул генерал, которому этот факт определенно не доставлял никакого удовольствия. — Таких как вы вообще не должны были делать. Почти все ваши погибли в войне, как и ваши создатели. Мы не знаем точно, на что еще вы способны. Возможно, вы понимаете любые языки.

Я вспомнил о том, что Франческа полиглот, и вопросительно посмотрел на нее. За собой я каких-то особых способностей не замечал. В школе и институте освоил обязательный английский, ну и чуть-чуть испанского для путешествий.

— Не понимаем, — подтвердил мои мысли Джим. — Я только испанский выучил, потому что в Калифорнии работаю. И вообще никогда не замечал за собой каких-то сверхспособностей. Ну, я боксировал за университет, выступал в любителях на уровне штата. Дерусь неплохо, но задницу мне надирали не раз. Со стрельбой то же самое — шестой на курсе в Квантико.

— Основа вашего существования — секретность, — пояснил Кастор. — Вы должны выглядеть как обычные люди. Ничем не выделяться. Таким образом вас не вычислить. До тех пор, пока вас не пробудят. И сделать это может лишь кто-то из вашего рода. Судя по тому, что лет вам уже немало, родители ваши также не были пробуждены. Удивительно, как три рода смогли перенести тысячелетия войн, эпидемий и хаоса на этой планете. Братья как-то вас защищали. Любопытно, как.

— Все готово, — в дверь просунулась голова Казановы. Л'Гил, понимаешь ли.

Спецназовцы топали впереди в тяжелой броне, разнося весть о приближении отряда по гулким коридорам. Огнестрельного оружия у них не было, лишь пластиковые щиты и шокеры. За ними следовали Саан и Л'Гил, и трое пленников, освобожденные от оков. За нами шествовал Кастор, оставивший топор в кабинете, и Марра, насупившаяся от того, что ей не удалось развлечься по полной. А может, она завидовала новым игрушкам хозяина.

Перед тяжелой сейфовой дверью, напомнившей ту, за которой прятали нас, процессия остановилась. Генерал вышел вперед, и командос за его спиной сомкнули щиты, создавая преграду между тем, что обитало в комнате, и нами. Рыжая тяжело вздохнула и начала что-то быстро бормотать на неизвестном мне языке. Воздух вокруг нее снова сгустился, на сей раз приобретя голубоватый оттенок.

— Если будут проблемы, войдите в мое поле, — напряженным голосом сказала то ли ведьма, то ли мутантка, то ли порождение невиданной инопланетной цивилизации. — Я не смогу его долго сдерживать, но времени должно хватить, чтобы мы вышли из комнаты.

Тяжелая дверь клацнула за нашими спинами, а дверь в комнату — широко распахнулась. Ну, понятно, для брата Кастор расстарался, не то что для трех будущих слуг. Огромный зал, интерьер в мягких серо-зеленых оттенках. Мебель, лишь слегка напоминающая земную. Здоровенное джакузи прямо в центре, и никакого следа камер наблюдения. Дворец.

Его обитатель сидел в удобном с виду кресле, читая книгу. Насколько я мог судить по обложке, на английском. Какой смысл читать Шекспира в переводе? Наверное, генерал давненько не навещал брата, если думал, что тот не проявляет интереса к земной культуре. Еще один здоровенный блондин в сером балахоне, с виду тот был старше Кастора примерно настолько же, насколько последний — Василевского.

Вторжение толпы гостей не произвело на него никакого впечатления. Он даже глаз не поднял на выстроившуюся перед ним цепочку солдат, прячущихся за щитами. Может, «Ричард III» действительно так увлекателен? Надо бы перечитать.

— Да будет долог твой век и велики дела. — Кастор как будто выглядел смущенным. Неудивительно, с учетом обстоятельств. Я бы тоже смущался, заперев родного брата в клетке на пару лет.

— Долгих лет и великих дел и тебе, — вежливо ответил Брат на исходном языке, наконец оторвавшись от книги. Он вовсе не выглядел маньяком, описанным Сааном. Вполне себе благовоспитанный старейшина. Глаза, правда, как и у всех них — пустые и холодные. Я осознал, что никто не сподобился сообщить мне его имя. Впрочем, как и настоящее имя самого Кастора, если тот не свихнувшийся американский генерал.

— Хотел лично сказать тебе, что Пятые согласились служить мне, — сообщил наш общий похититель. — Вот они, все трое. Тебе придется побыть моим гостем, брат, еще какое-то время. Но с ними я надеюсь закончить все быстрее.

— Ты глупец, — равнодушно бросил Брат. — Их нельзя контролировать. Как только ты их пробудишь, они уничтожат и тебя, и все что ты создал.

— Тогда ты победишь, разве не так? — предположил Кастор. — Ведь именно для этого вы их здесь поселили. Принести разрушение, когда придет время.

— Как я могу победить, будучи мертв? — покачал головой его пленник. — Никто из нас не должен умереть от руки низших. Но именно на это ты обрекаешь и себя, и меня.

— Ты сам виноват, — мнимый генерал теперь возражал с несвойственной его племени горячностью. — Я просил всего лишь пятьдесят местных лет. Ты мог бы вернуться, и не узнал бы планету. Еще сотня лет, и я уничтожил бы все этнические и языковые различия. Мы получили бы идеальный народ — работающий и послушный. Гораздо лучше, чем в других мирах. Подумай, брат. Еще не поздно. Обещай мне пятьдесят лет, и просто улетайте.

— Я не могу позволить тебе продолжать эти эксперименты, — сухо возразил Брат. — Что я увижу через пятьдесят лет? Что ты собрал им звездолет? Мы уже дали один Разрушителем, и теперь мудрейшие из нас плохо спят по ночам. А это племя безумно. Иррационально. Если они покинут планету, то заразят другие миры. Неприемлемо.

— И что же, просто позволить миллиардам низших погибнуть? — эту тираду Кастор, как я догадался, произносил специально для нас. — Если я улечу, этот мир будет уничтожен менее чем через сто местных лет. Вспомни, сколько усилий мы оба приложили, спасая его. Разве тебе не хочется увидеть успех? Это будет и твой успех. Ты разрешил мне остаться здесь двести лет назад. Позволь закончить то, что мы начали вместе.

— Этот мир обречен. — Брат поднялся из кресла, оказавшись на добрых полголовы выше гиганта Кастора. — Решение принято. Мы уйдем, и не вернемся. Ты пойдешь с нами и предстанешь перед братьями. Мы дадим тебе новую миссию. В самом никчемном и захудалом мире из вновь найденных. В противном случае, как только я окажусь свободен, я прикажу уничтожить твое убежище вместе с тобой. В любом случае мы ликвидируем всех, кто тебе служит. Братья на корабле не теряют времени зря. Они знают многое о твоей организации. Сто лет? Когда мы убьем всех причастных к твоему плану, начнется война, и все кончится за несколько недель. Выжившие снова будут прятаться по пещерам и учиться добывать огонь. Добьем их десантом Разрушителей. Потом дадим воздуху очиститься, и заселим этот мир кем-нибудь еще.

Кастор все же заставил своего заложника сорваться. Пусть тот и говорил холодным ровным тоном, каждое слово давало понять, в каком он бешенстве. Теперь Брат возвышался даже над здоровенными командос, и вперил взгляд в новых подручных генерала.

— На колени! — загрохотал его голос на чистом английском. — Все преклоните колени! Сейчас!

Пластиковые щиты попадали на пол, когда солдаты один за другим принимали покорную позу. Более того, на колени плюхнулись и Саан с Л'Гилом, хотя по лицам было видно, что они пытаются сопротивляться приказу. На меня лингвистические упражнения пленника не произвели впечатления, как и на стоявших рядом Франческу и Джима. В мозгу мелькнула мысль о том, как это здорово — подчиниться настоящим хозяевам. Но лишь на долю секунды. На ногах осталась и Марра, хотя ее мордашку перекосило, словно она чувствовала сильнейшую боль. Возможно, от того, что она теперь испытывала куда большее напряжение, резко разведя руки и расширив голубое поле на пару метров.

— Быстро внутрь!.. — прошипела она, медленно отступая к двери.

Мне не хотелось проверять на себе, что произойдет дальше, и повторять ей не пришлось. После секундного колебания за мной последовали товарищи. Прежде чем за нами захлопнулась дверь, я увидел, как светловолосый представитель высшей цивилизации с наслаждением отрывает головы стоящим перед ним на коленях солдатам.

— Они трехнутые, совершенно трехнутые. Все они. — Джим метался по комнате как загнанный зверь. — Сборище маньяков. Эти существа придумали буддизм и написали Библию? Вранье. Проклятые захватчики. Нужно что-то делать. Выбраться, и сообщить правительствам.

Похоже, остатки скептицизма он растерял, когда в воздух ударил фонтан крови из туловища первого обезглавленного солдата. Действительно, люди обычно не отрывают головы себе подобным. Не потому, что не хотят. Просто не могут, сколько стероидами ни накачивайся.

— Это тем самым, которые они контролируют? — флегматично отозвалась Франческа. — Отличный план. И что сделают земные власти? Объявят «Год соответствия галактическим стандартам»? А мы знаем, каковы эти стандарты? То, что описывал наш новый босс, звучало как-то не очень аппетитно.

— Вы же понимаете, что он слышит каждое наше слово? — прервал спорщиков я, ткнув в камеры под потолком. Нас вернули в привычную казарму. Подумать. Или помолиться. Через несколько

часов должно было состояться так называемое пробуждение. Мы, конечно, могли отказаться. И с честью умереть под генеральским топором.

— Ну и что? — равнодушно пожалала плечами девушка. — Он ждет от нас рассудочного решения. Такого, которое можно счесть рациональным. Оно не должно нам нравиться, мы просто должны его принять. Неужели непонятно, зачем он ставил над нами все эти мерзкие эксперименты?

— Мы ни в чем не виноваты, — похоже, Джиму действительно удалось убедить себя в этом. — Этих людей убили бы в любом случае. То, что мы совершили, не делает нас монстрами. Никого из нас.

— Отличная позиция, — грустно усмехнулась итальянка. — А ты не думал, что будет дальше? Мы либо отказываемся — и нас убивают, либо соглашаемся — и становимся слугами дьявола. Для которого ничего не значит смерть ни ребенка, ни его людей. Что он заставит нас делать после этого самого пробуждения, когда мы станем сильнее? Убивать. Женщин, детей, стариков. Кого в голову взбредет.

— Все так, — согласился я. — Но вы сами все слышали. Если этот Кастор сдастся или его устроят — планету зачистят. Так что хорош его план или плох, без него человечеству конец. И этот дьявол верит, что с нашей помощью добьется цели куда быстрее. Вы же понимаете, что ускорив приход его рая хотя бы на год, мы спасем миллионы жизней?

— А ведь он пытался тебя выбраковать, — пробормотал Джим. — Слабым звеном обзывает. И поглядите теперь, кто у нас истинно верующий. Ты правда готов согласиться выполнять любые его приказы?

— А вы правда готовы лечь под топор, чтобы этого не делать? — поинтересовался я.

Риторический вопрос повис в воздухе. Что ж, на то он и риторический.

Обсуждение заглохло, толком не успев начаться. Но когда дверь отворилась, и возникший на пороге Саан поинтересовался, готовы ли мы служить его хозяину, в ответ прозвучали три неохотных «да». Я думал, нас снова отведут в комнату со стульями, но, услышав ответ, подручный генерала лишь кивнул головой и удалился.

Вернулся он через час в сопровождении толстяка. Общество педофила не доставило никому из нас удовольствия, но по каким-то причинам совершить таинственный обряд пробуждения мог лишь он. Хорошо, что обошлось без плясок нагишом вокруг костра.

— Ложитесь давайте, — пробурчал любитель детишек. С учетом его репутации предложение не показалось нам слишком заманчивым, и мы нерешительно переглянулись.

— Не, ну можете стоять, конечно, — язвительно продолжил мерзавец, заметив наше замешательство. — Если разобьете себе голову, когда будете падать — я не виноват. А упадете вы обязательно.

Улегшись на кровать, я подумал о том, что сейчас моя жизнь изменится. Я ведь давно этого ждал. Пусть перемены и пришли с такой неожиданной стороны. Пройдет несколько минут, и я перестану быть никем. Мелкий чиновник умрет, и родится... что? Сверхчеловек? Машина для убийства? И я совсем позабыл поинтересоваться побочными эффектами. Может, теперь меня будут мучить мигрени? Или, не дай бог, импотенция...

Рой idiotских мыслей в моей голове прерывал голос толстяка:

— Пумба-юмба. Шурум-бурум. Трах-тибидох. Да давайте вы уже, засыпайте. И так уйму времени на вас убил.

Отключаясь, я тихо порадовался тому, что приобрел еще одну сверхспособность. Ведь странный язык, на котором толстяк обращался к нам, не был языком белобрысых. Но, как и их наречие, я его прекрасно понимал.

Кто так тяжело дышит? Почему так громко бьется сердце? Рядом еще два... резкий запах пота. Мужского, женского. Даром что Джим и Франческа моются по два раза в день. Неужели у нас прорвало канализацию? Джиму нужно завязывать с бурито на ужин. По вентиляционной шахте, похоже, носится таракан, не в силах найти выход.

Звуки и запахи обрушились на меня, почти мгновенно выведя из сна. Мозг дал глазам команду открыться и теперь с любопытством ждал, что будет дальше. Хм, разницы что-то не видно. Я осторожно сел и огляделся по сторонам. Джим еще не пришел в себя, а вот Франческа сидела на кровати, поджав ноги, и разглядывала сокамерников. Я пристально взглянул на нее. Может, теперь я могу рассмотреть девушку в каком-нибудь другом спектре? Рентген, инфракрасный? Нет, ничего. Впрочем... если сфокусироваться на маленькой родинке у нее на шее, то можно увидеть... как эта родинка превращается в чертовски гигантское пятно. Я сморгнул, прогоняя малоаппетитное видение.

— Знаешь, о чем я думала? — Не знаю, что там с суперсилами, но веселее Франческа не стала.

— Нет. Ты вообще давно очнулась?

— Минут пятнадцать назад.

— И как оно?

Девушка скользнула с кровати на пол и уселась на поперечный шпагат.

— Так ты и раньше так могла. — Трюк меня не впечатлил. — Силу-то чувствуешь? Я что-то нет.

Вот чувства обострились, даже слишком.

— Пока не чувствую, — призналась она. — Хотя трюки делать стало проще. А думала я о том, что могу убить вас двоих, пока вы спите. Тогда он не получит того, чего хочет.

ГЛАВА 12

Испытания назначили на следующий день. Сутки в камере с двумя другими пробужденными оказались настоящей пыткой. Мы все слишком громко дышали. Слишком сильно пахли. О чем с удовольствием каждые пять минут сообщали сокамерникам. А после откровений Франчески мне было очень сложно заставить себя заснуть. Я не стал говорить Джиму, что у нашей подруги, похоже, окончательно съехала крыша. Могли бы установить дежурства, и спать по очереди. Но у меня к барышне были вполне определенные чувства. Покажи я, что принял ее слова всерьез, нас могли разделить. Закрывая глаза вечером, я подумал о том, что умереть от рук любимой, в сущности, вовсе неплохо. И больше не придется принимать никаких сложных решений.

Проснулся я живым и здоровым от сигнала к завтраку. На этот раз невидимый повар превзошел сам себя, завалив нас огромным выбором закусок. Набив желудок, я некоторое время размышлял о том, прилагается ли к новым способностям улучшенный метаболизм. Если генерал собирается заставить нас после такого пиршества совершить пробежку на десять километров, чтобы посмотреть, не установим ли мы новый рекорд, в моем лице его ждет жестокое разочарование.

Но нас отвели в уже наскучившее помещение для экспериментов. Кастор, Саан и толстяк образовали приемную комиссию, привычно рассевшись за столом, а за их спинами маячила Марра. Приковывать к стульям нас не стали, зато перед каждым разложили по набору предметов. Я смотрел на лежащие на полу передо мной титановые наручники, стальную трубу и теннисный мячик. Цирк.

— Нам из этого пазл сложить? — Перед Джимом обнаружили топор, набор для дартса и стеклянная банка, в которой метался десяток мух.

— А сахар нам давать будете, если сделаем все правильно? — поддержала его Франческа. — Что за идиотизм?

— Этим испытаниям сотни лет, — обиженно откликнулся толстяк. — В моей семье через них проходили все. Конечно, обычно это происходит лет в четырнадцать. Но я же не виноват, что вы так подзадержались в развитии.

— Ты что, четвертый? — с искренним ужасом поинтересовалась итальянка. — Наш какой-то дальний родич?

— Нет, — вмешался Саан. — Четвертого только предстоит найти. Брайан представляет смежный род. У них схожие с вашими способности, но вы должны быть гораздо сильнее. Пробуждение происходит, когда с вами заговаривают на древнем языке, который знают представители вашего вида. Но нет уверенности в том, как это сработало на вас. Нужно проверить. Если Брайн не может раскрыть все ваши силы, то у нас проблема. Поскольку больше сделать это некому.

Проблема действительно была. Я не мог порвать титановые наручники. Не мог согнуть стальную трубу. Не мог попасть мячиком в толстяка, который оказался удивительно проворным для человека своих габаритов. У товарищей дела обстояли не лучше. Джим попадал в круг для дартса, но не более. Десятку он не выбил ни разу. Выпущенные им мухи разлетелись по комнате, и досаждали всем, пока Марра не сожгла их на лету щелчками пальцев. Франческа не могла разбить рукой деревянную доску.

По мере того, как наши усилия заканчивались ничем, лицо генерала приобретало все более мрачное выражение.

— Довольно, — наконец не выдержал он. — Это все бесполезно. В чем проблема?

Вопрос адресовался Брайану, но тот лишь растерянно пожал плечами:

— Откуда мне знать? Они же не моего рода. Вообще то, что многое поначалу не получается — это нормально. Сила растет со временем, пик наступает через шесть-двенадцать месяцев. Но хоть что-то они должны были показать. Частично ведь сработало — зрение, слух, обоняние. Можно еще проверить на чувствительность к боли. И на регенерацию. Давайтеотрежем им что-нибудь.

— Ах ты сука! — взвился Джим. — Сейчас я тебе самому что-нибудь отрежу.

В руках у него находился топор, поэтому угроза не казалась такой уж абстрактной.

— Действительно, — задумчиво протянул Кастор. — Хорошая мысль. Может, нужен стресс, чтобы подействовало? Схватка. Настоящая. Давай убей его.

Джим растерянно посмотрел на инопланетянина. Разумеется, тот не шутил. А я-то полагал, что толстяк в его глазах — ценный кадр. Брайан, видимо, подумал о том же.

— Господин, это лишнее. А если я поврежу его, защищаясь? — Пусть мы не показали ничего из того, на что надеялись присутствующие, но было видно, что ему до чертиков страшно.

— А ты не сильно защищайся, — равнодушно предложил генерал. — Если он пару раз порежет тебя — ничего страшного. Заживет. Получишь бонус. Ты же не думаешь, что этот бойскаут сможет тебя убить?

— Если он войдет в режим битвы, ему будет сложно остановиться, — нервно облизав губы, пояснил Брайан. — Самоконтроль требует тренировок. Не забывайте, что теоретически он гораздо сильнее и быстрее меня.

— Я не могу использовать теорию, — холодно парировал Кастор. — Если они на это способны — пусть покажут. Мне не нужны помощники, единственная способность которых — чувствовать запах дерьма за километр.

— Конечно, хозяин, — наконец угодливо согласился толстяк. — Давайте попробуем.

Встав со стула, он подошел к Джиму, остановившись в паре метров. Агент ФБР выглядел вконец растерянным, крепко сжимая топор в правой руке. Претворять в жизнь сказанную в сердцах угрозу он явно не собирался.

— Так не пойдет, — решил генерал после минутной паузы. — Он не чувствует угрозы. Нападай первым.

Я не видел удара. Никто из нас не видел, включая Джима, который оказался на полу. Из разбитого носа обильно текла кровь.

— Вставай, — скомандовал Кастор.

Джим поднялся, отбросив топор. В глазах его теперь бушевала ярость. Он нанес два быстрых удара, метя в челюсть Брайана. Отличная двойка, заставившая меня вспомнить о том, что двойник имеет определенные достижения в боксе. Только вот головы толстяка в том месте уже не было. Чуть отклонившись, он ударил фэбээровца в печень, отчего тот снова рухнул на пол, корчась от боли. Мне показалось, что в этот раз мерзавец специально замедлился, чтобы все видели, что именно он делает.

— Прекратите. — Франческа выпорхнула на середину комнаты и встала между педофилом и нашим товарищем. — Я с ним разберусь.

Мне показалось, что теперь она двигается гораздо быстрее, чем пристало человеку. Наверное, Брайан тоже это заметил, поскольку инстинктивно отступил на пару шагов. Она не попала ему в голову с первого удара, просвистевшего в паре сантиметров. Била она ногой с разворота, и хотя я увидел удар, мне подумалось, что такая скорость уже чересчур даже для призового бойца. Толстяк явно придерживался того же мнения, и по мере развития схватки его лицо принимало все более испуганное выражение.

Теперь она наносила по несколько ударов в секунду. Нога в челюсть, рука в корпус, нога в колено, колено в прыжке. Брайан уклонялся и парировал, но делать это ему становилось все сложнее. Он пытался контратаковать, но его удары не достигали цели. Тем не менее, он был хорош в рукопашной, и вес, похоже, не доставлял ему никаких проблем в бою. Я с увлечением наблюдал за схваткой, пока не заметил, что остальные в комнате перестали понимать, что происходит. Сделав глубокий вздох, я зажмурил глаза и попытался вернуться к нормальному зрению.

Вновь открыв их, я понял реакцию окружающих. Для них Франческа и Брайан просто стояли друг напротив друга, слегка подергиваясь. Большинство ударов были почти незаметны человеческому глазу. В этот момент девушка впервые попала. Я не видел, куда пришелся удар, но толстяка отбросило метров на пять. Врезавшись в стену, он рухнул на пол.

— Довольно, — пробормотал он. — Видите, с этой все в порядке.

— Это не показательно, — кровожадный Саан, как всегда, хотел большего. — Она служила в спецназе, и профессионально занимается ММА. Один удачный удар значит лишь, что вы примерно равны по возможностям, но ее навыки боя лучше. Надо проверить на русском.

Подонки определенно испытывал ко мне не лучшие чувства.

— И пусть возьмет топор, — поддержал подчиненного генерал. — Так будет интересней.

Брайан поднялся на ноги и умоляюще посмотрел на хозяина. Похоже, ему прилично досталось, поскольку он никак не мог встать прямо. Возможно, сломаны ребра. Но искать сочувствия в этой комнате — дело пустое. Франческа подняла с пола топор и сунула его мне в руку.

— Прикончи его, — ее голос звучал спокойно и абсолютно буднично. — Ты сможешь, теперь я знаю. Вспомни, что он делает с детьми.

Я взглянул на Джима. Товарищ пришел в себя, но кровотечение из носа не прекращалось, а поза скрючившись на стуле говорила о том, что печень до сих пор болит. В отличие от него, я никогда не занимался единоборствами. Орудовать топором я тоже не умел. Может, у меня и была суперсила, но я ее совершенно не чувствовал. Сейчас и у меня окажется расквашенным нос. Или сломана челюсть. Надеюсь, педофил не убьет меня. А то будет очень обидно.

Мы стояли один напротив другого. Мое сердце бешено билось, ожидая атаки и боли. Сам сделать первый ход я не решался.

— Ты сможешь, — это снова была подруга, но сейчас она говорила не по-английски. Тот же язык, на котором к нам обращался Брайан. Откуда... В голове щелкнуло. Кто-то нажал на переключатель. Воздух вокруг на долю секунды сгустился, чтобы стать более прозрачным и податливым. Все замерло. Нет, просто сильно замедлилось. Вот Марра поворачивает голову. Ее рот приоткрывается. Она хочет сказать что-то генералу. Секунда, вторая, третья... Проходит немало времени, пока она начинает издавать звуки.

Напротив меня стоит омерзительный толстяк. Он видит так же, как и я — теперь я осознаю это. Или почти так же. Он смотрит мне в глаза, и понимает, что теперь я в его мире. Его лицо искажает гримаса страха. Он пытался ударить меня рукой. Наверное, очень быстро. Мне же кажется, что дело происходит под водой. Его руке приходится преодолевать какое-то сопротивление. Она неспешно плывет ко мне. Интересно, что будет, когда кулак коснется челюсти? Сейчас удар не кажется опасным. Он не может быть таким. Но стоит ли проверять? Я слегка отклоняю голову, и кулак проплывает мимо.

Я не отдаю приказов своим рукам. Та, в которой зажат топор, дергается навстречу толстяку, и лезвие входит ему в живот. Боль, растерянность, ужас на его лице. Рука отводится назад, обнажая глубокий разрез в теле противника. Его пальцы пытаются зажать рану. Отличный момент, он полностью открыт. Мысль не успевает оформиться в голове и трансформироваться в команду. Но этого и не нужно. Рука снова действует сама. Короткий взмах — и голова Брайана падает к моим ногам, а из обрубка шеи выплескивается в потолок фонтан крови.

ГЛАВА 13

Наверное, генерал порадовался, что не одел сегодня свою тогу. Форменный комбинезон — штука дешевая, да и отстирывается отлично. Хотя по выражению его лица нельзя было сказать, что все это вообще его волнует. Никогда бы не подумал, что оно может выражать подобный восторг, даже будучи залепанным кровью. Хозяин базы был абсолютно, совершенно счастлив. Увы, его настроение разделяли не все.

— Ты что наделал? — визжал Саан, с ужасом глядя на обезглавленное тело. — Ты знаешь, каким ценным кадром он был?

— Заткнись, — приказала Франческа, и тот, к моему удивлению, мгновенно подчинился. — Алекс сделал то, что ему велел генерал. Ты же не хочешь стать следующим?

Марра быстро бормотала что-то, создавая вокруг себя поле, которое мы уже видели раньше. Разведенные руки, напряженное выражение лица — теперь мерцающая защита закрывала генерала и Саана.

— И зачем это? — насмешливо поинтересовалась итальянка. — Твои чары на нас не действуют. Мы можем войти внутрь. Уже входили.

— Я сама вас пригласила, — возразила рыжая, по чьему лицу теперь струились капельки пота. — Попробуй-ка сейчас, крутая.

Пожав плечами, Франческа перегнулась через стол и взяла лежавший перед генералом внутри поля планшет.

— Верните, пожалуйста. — Кастор просто на глазах учился вежливости. — А ты прекрати. Видишь же, не действует.

Марра расслабилась, и поле исчезло. Франческа швырнула планшет обратно на стол.

— Кажется, наше преобразование завершено, — заметил я. — Теперь можно обсудить, как же мы будем жить все вместе на нашей маленькой планете.

В этой комнате не было металлических стен и видеокамер. Нас никто не подслушивал — новые чувства теперь могли реагировать на электромагнитные колебания в различных спектрах. Диковинные, непривычные ощущения, которые мозгу еще предстоит научиться обрабатывать. Нам требовалось

переговорить без свидетелей. Генералу и его подручным — тоже. Риск для нас, риск и для них. Саан сейчас наверняка снова убеждает хозяина уничтожить нас. Он здорово струхнул, увидев своими глазами, на что мы способны.

Мы же должны были определиться, станем ли соблюдать условия договора, под которым подписались.

— Мы все еще пленники, — заметил Джим. — Заперты в сотнях метрах под землей. У генерала несколько десятков человек с автоматическим оружием. Может, мы пробьемся к поверхности. А может, и нет. Думаю, нужно подыграть. Пусть сами нас выведут. Захватим самолет или вертолет — мы с Франческа учились летать. И прощай, Кастор. А в чистом поле он проиграет.

— Мы заключили с ним договор, — осторожно сказал я. — Никто не хочет обсудить, нет ли у нас желания исполнить его? Пусть с поправками. Обстоятельства не изменились. Разве кто-то еще сомневается в том, что Кастор тот, за кого себя выдает? А если так, и мы не поддержим его — он может проиграть. Тогда прощай не только Кастор, но и все человечество. А мы вроде как его часть.

— Алекс прав. — После всплеска агрессии на испытании Франческа вновь выглядела подавленной. — Мы не можем просто плюнуть на все. Нам придется как-то работать с ним. Но нужно поставить свои условия. Скажем, мы можем защищать его. Тогда никто не сможет причинить ему вред, и он исполнит свой план. Или охранять его безумного братца. Тогда пришельцы не смогут его вернуть. А вот становиться его ангелом смерти я не буду. Хватит с меня убийств. Мне до сих пор мальчик снится...

— Прекрати, — перебил ее Джим. — Хватит об этом. Я по-прежнему считаю, что мы должны сообщить обо всем властям. Те придумают, как все разрешить. Как убедить пришельцев, что мы не такие, что мы можем... интегрироваться. Мы не можем поставить все на Кастора. Он может умереть, или передумать. Его план может провалиться. Вы об этом думали?

— У нас маловато информации для серьезных раздумий, — не согласился я. — А у земных властей ее и того меньше. Я вот считаю, что если убедить их в агрессивности инопланетян, они просто попытаются уничтожить корабль. Вряд ли им это удастся. Но если они разозлят Василевского и товарищей, те могут наплевать на заложника и перейти к плану «Земля без людей» прямо сейчас. Есть статус-кво, и ему уже два года. Если они и правда живут так долго, как говорил Кастор, такое положение может продержаться и двадцать. В это у меня веры куда больше, чем в ООН. И тем более в правительство Североамериканских штатов.

— Согласна, — поддержала меня Франческа. — Двое против одного. Ты с нами, Джим, или пойдешь своим путем? Мы не донесем на тебя. Можешь сбежать. Но это ослабит нас.

— Я с вами, — колебался он совсем недолго. — Втроем мы серьезная сила. Да и одному мне могут не поверить. Не хочу окончить жизнь в дурке или отбиваясь от своих. Значит, так Кастору и скажем. Мы за него, но грязную работу делать не будем. Он тут сотни лет народ убивает, как-нибудь обойдется без нас в этом деле.

Генерал объявил эвакуацию через семьдесят два часа. Не знаю, что они там так долго собирали. Наверное, готовили к переезду братца. Может, клетку ему делали, чтобы по дороге никого не погрыз. У нас личных вещей не было. Я некоторое время размышлял о том, стоит ли просить привезти мне что-нибудь из квартиры в Москве, но в итоге решил, что все ценное у меня теперь при себе. Франческа и Джим, похоже, придерживались того же мнения.

На поверхность нас не выпускали, но теперь мы могли спокойно перемещаться между тридцать третьим и тридцать шестым этажами базы, оккупированными Кастором. Здесь были только свои — три десятка наемных командос, притворяющихся американскими морпехами, несколько техников и людей из obsługi. Прочий персонал знал лишь, что часть базы занята военной разведкой во главе с шишкой из Вашингтона под сверхсекретный проект. Наших лиц им видеть не стоило.

Каждый получил по небольшой, но вполне комфортабельной комнате. Принимать душ и справлять нужду теперь можно было без зрителей. Мы щеголяли в военной форме и почти свыклись со своим новым статусом. Даже Франческа, как мне показалось, немного расслабилась и ожила. Мы по-прежнему встречались за завтраком, обедом и ужином. Нам разрешили смотреть телевидение. Шииты опять воевали с суннитами, аргентинцы с чилийцами. Белые в Европе пытались выбить себе квоты в университетах. Социальные рационы в Японии снова снизили. Два литра пресной воды в день на человека. Никакой натуральной пищи. Мир погибал, и мы подписались служить тому, кто может его спасти. Воодушевляюще, не так ли? Кастор согласился с тем, что мы будем выполнять лишь функции охраны. Убийц у него, по его словам, хватало.

В утро переезда за нами зашел Л'Гил. Мы мало общались с подручными генерала — все они были слишком заняты сборами. Лицо гостя ничего не выражало, розовые глаза опять прятались за темными очками. Захватив выданные рюкзаки военного образца со скудным запасом одежды, мы последовали за ним. К моему удивлению, наш путь лежал не к лифтам. Привели нас в огромную столовую, куда мы раньше никогда не заходили. Место общения наемного персонала. Похоже, сейчас он весь собрался здесь — командос с вещмешками, техники с небольшими чемоданчиками.

При нашем появлении гомон в помещении стих. Знали ли они подробности того, кто мы такие? Вряд ли. Но почти всем им было известно, что мы бывшие пленники, чей статус сейчас изменился. Кто-то из них помогал Брайану доставлять сюда детей. Кто-то убирал их сожженные трупы. Кто-то отмывал комнату от крови самого Брайана. А кто-то бил меня ногами по голове, и насиловал Франческу...

— Хочу, чтобы вы знали — я был против... — тихо прошептал это за нашими спинами, Л'Гил обратился к остальным: — Вы знаете этих троих. Последние три недели над ними проводились эксперименты, которые заслуживают пожизненного заключения или смерти по законам любой страны. Они все — правительственные агенты. Они видели ваши лица. Если они выйдут отсюда живыми, вы сгниете в тюрьмах или закончите жизнь на электрическом стуле. Выбор за вами.

Мы могли его остановить, когда он выходил из зала и запирали за собой дверь. Не знаю, почему никто из нас этого не сделал. Впрочем, какой смысл? Он не хотел, чтобы нас убили. Генерал производил зачистку. Намек ясен. Для всего мира мы теперь мертвы. Но почти сорок человек знали, как мы выглядим и кому служим. И хотя бы часть из того, как мы к этому пришли. Слишком много свидетелей.

Командос не нужно было приказывать дважды. Их круг стал постепенно сжиматься. Они не боялись нас. Снисходительные ухмылки на лицах. Никто из них не видел, как умер Брайан. Перед ними поставили понятную задачу, и они собирались ее выполнить.

— Мак, ты помнишь эту сучку? — Высокий симпатичный блондин расплылся в широкой улыбке. — Сколько раз ты поимел ее в задницу? Три или четыре?

— Меньше, чем ты ее в рот, — осклабился коренастый латинос. — Повторим, пожалуй? Ведь не было приказа, что нельзя?

Ему не стоило подходить так близко. Никто из них не видел удара металлическим подносом, который Франческа схватила со стола. Края его не были заострены, но скорость и сила удара сделали свое дело. Голова Мака отлетела в сторону, забрызгав окружающих кровью. Что это за странная мания у всех в этом мире рубить головы?

Их инстинкты оказались сильнее страха. Сначала. Они бросились на нас, у некоторых при себе оказались ножи. Понимание пришло, когда погиб первый десяток. Впрочем, это заняло лишь несколько секунд. Каждый наш удар, дошедший до цели, был смертелен. Головы резко откидывались назад на сломанных шеях, сердца переставали биться после ударов в грудину. Осознав, что это не наше, а их истребление, они попытались выломать двери. Тщетно. Тогда они разбились на небольшие группы, ища убежище в комнате, где его быть не могло.

Франческа не колебалась, превратившись из жертвы в охотника. Он не был ей нужен, но теперь она орудовала им — огромным зубчатым ножом, отобранным у кого-то из первых жертв. Перелетая со стола на стол, она сеяла смерть, режа глотки и швыряя головы в жмущихся к стенам выживших. Когда умер последний командос, она перешла на техников, несмотря на вопли ужаса и мольбы о пощаде.

Мы с Джимом молча наблюдали за резней. Я не испытывал сочувствия ни к кому из погибших. Они продались, и делали за деньги то, за что заслуживали смерти. И Франческа как никто была вправе свершить месть. Вот только порхающее по комнате существо с безумными глазами, хохочущее при каждом удачном ударе, больше ничем не напоминало ту, кого я встретил три недели назад.

Крики стихли. Раненых не было. Один удар — один труп. Залитая кровью фигурка в центре комнаты опустила нож. Дикий смех сменился всхлипываниями. Она медленно оглянулась. Глаза больше не были застланы пеленой безумия. Она смотрела прямо на нас. Растерянность во взгляде сменила глубокая печаль.

— А знаете что, мальчики... Давайте вы дальше как-нибудь сами. — Я рванул к ней, но, конечно же, не успел. Грустно улынувшись на прощание, одним быстрым движением она перерезала себе горло.

Часть вторая
ОХОТНИК

ГЛАВА 14

— Тебе все это еще не надоело? — голос Джима звучал глухо и отрешенно. Почти так же, как у Франчески в последние секунды жизни.

— Ну-у-у... — протянул я, отправляя в рот бутерброд с черной икрой. Хорошо, что теперь координация у меня куда лучше, чем когда-то. Можно не опасаться заляпать сшитый на заказ костюм за пятнадцать тысяч фунтов. За окном иллюминатора нашего джета ярко светило солнце, а внизу искрились лазурные воды каких-то карибских островов.

Кастор не шутил, произнося фразу «неограниченный кредит». Теперь мы летали на своем самолете, жили в пятизвездочных отелях, питались в лучших ресторанах и носили шмотки, стоимость которых могла бы год кормить небольшой африканский городок. Еще мы убивали людей. Ладно, убивал в основном Джим, а я был на подхвате.

Прошло полгода с тех пор, как мы покинули базу. Состоялось уже девять миссий, и в каждой количество жертв исчислялось десятками. Данные о целях нам передавал Саан, с его хозяином мы теперь общались нечасто. Банкир в Париже, китайский промышленник, африканский министр, аргентинский генерал, колумбийский наркобарон, владелец американской ИТ-компании, немецкий банкир, снова какой-то министр в Таиланде, украинский бандит. Чем эти люди не угодили инопланетянину, нам не говорили. Но кое-что общее у них было — все они, согласно прессе, являлись первостатейными подонками, и у каждого имелась охрана как минимум из десятка бойцов.

Успокаивало ли это мою совесть? Черт, да. Я понимал, что Кастор не занимается избавлением общества от мрази. На него работали люди и похуже. Просто наши жертвы как-то мешали реализации его плана. Джим тоже смирился, пусть и по иным причинам. Как ни странно, я неплохо понимал своего двойника, пусть и не разделял его взглядов. Вызвавшись играть первую скрипку в нашем дуэте, фэбээровец подошел к вопросу переквалификации из законника в киллера со всей ответственностью.

Четыре часа тренировок каждый день. Первые два часа мы тестировали новые способности. Джим считал, что понимание пределов наших возможностей очень важно. Сколько мы можем не дышать под водой? На какое расстояние улетит брошенная мною граната? Как много противников он успеет поразить из пистолета, прежде чем в него попадут их пули? Скольких каждый из нас сможет одолеть в рукопашной? Потом начинались занятия по профессии. Мы учились стрелять из всех возможных видов оружия. Обращаться с взрывчаткой. Водить любые транспортные средства. Взламывать замки. Пробиваться через фаерволы компьютерных сетей.

Я относился к учебе без какого-либо энтузиазма. Но сейчас она не требовала больших усилий — все получалось само и с первого раза. Услышанная или увиденная информация никогда не забывалась. Тело запоминало любые механические манипуляции и могло мгновенно повторять их снова и снова. Джим считал, что все это нам пригодится. Умом я понимал, что он прав. Но по факту все операции проходили по одному сценарию. Мы не крались как ниндзя в ночи, не ползали по канализации, не отключали охранные системы, не устанавливали сложных взрывных устройств. Мы просто брали большие пушки, подходили к главным воротам и убивали всех, кто становился между нами и целью. Физически это было легко. А вот морально...

Джим, похоже, надломился после одного из банкиров, когда пущенная им автоматная очередь разорвала на части прятавшихся за спиной отца двух девчушек лет восьми. Почему он принялся палить? Охрана уже была нейтрализована, никакой нужды ни в спешке, ни в жестокости. Можно было не спеша отвести папашу вниз и свернуть ему там шею. Или пустить пулю в лоб. Я видел глаза двойника после того, как все было кончено. Он не понимал, что произошло. Утратил контроль. Но ему нравилось думать, что он профессионал. Поэтому он нашел красавицу-жену банкира, прятавшуюся в дальней комнате, и пристрелил и ее.

— Никаких свидетелей, — пояснил он устроенную резню. Чушь, конечно. Мы убивали лишь охрану, никогда не трогая прислугу и домашних. Лица наши закрывали маски, да и двигались мы столь быстро, что разглядеть что-либо было невозможно. Мы даже появились в базах Интерпола как киллерская группировка «Ночной ужас». Саан был так любезен, что переслал нам досье перед тем как стереть его из системы. Да, они могли и это. Они могли почти все.

Я озабоченно взглянул на напарника. Сложно привыкнуть к тому, что смотришь на другого, как на отражение в зеркале. Сейчас мы почти неразличимы. Двойник был на пару лет моложе меня, но я подтянулся, и фигуры теперь выглядели одинаково, упакованные в идентичные итальянские костюмы,

сшитые по одной мерке. Те же прически, загар; даже модная щетина на лицах — одной длины. Джим был уверен, что внешность близнецов нам когда-нибудь пригодится.

— Ты читал досье? — Я думал, что товарищ снова включил профессионала, но после этого вопроса внезапно понял, чем вызвано его настроение. Досье. Ужасное, отвратительное досье. Мы летели в Картахену, чтобы ликвидировать некую Марию Монтез, двадцати семи лет от роду. Девушка была красива, образованна и работала нейрохирургом в местном госпитале для бедных. Молодая особа вела скромный образ жизни, и если и упоминалась в прессе или социальных сетях, то исключительно в восторженных выражениях. Она не занималась политикой, не писала разоблачительных статей. А главное, у нее не было решительно никакой охраны.

До сих пор Кастор поручал нам сложные миссии. Такие, которые вместо нас могла выполнить лишь небольшая армия. И убивали мы только подонков. Возможно, все это было растянутой во времени проверкой. Жертвы-негодяи должны были заставить нас работать без сбоев, и даже получать удовольствие от того, что мы в какой-то степени вершим правосудие. Мощная охрана, уничтожаемая под корень, приятно щекотала эго. Иногда я чувствовал себя супергероем. И Джим, уверен, тоже. По крайней мере, до эпизода с двойняшками.

Сейчас правила изменились. Любишь медок — люби и холодок. Мы увязли слишком глубоко, чтобы артачиться из-за того, что цель выглядит совершенно безвинной. Это просто продолжение проверки. Сможем ли мы сделать это?

— Я читал досье, — наконец ответил я. — Ты же понимаешь, что это испытание? Как детишки в бункере. Цель оправдывает средства, и все такое. Понятно, что он мог нанять бомжа за несколько тысяч песо, чтобы тот прирезал сеньориту Монтез в подворотне. Но он послал нас. Из пушки по воробышку.

— Она такая красивая. — Батюшки, теперь он пялился на ее фото. — И она помогает людям. Лечит детей. А мы чем занимаемся? Зачем ему ее смерть?

— Ну, может, она будущая мать Тереза, — пробурчал я. — А появление такого персонажа не входит в его великий план. Может, его хрустальный шар показывает, что через пять лет она возглавит благотворительную организацию, которая остановит использование детского труда в Латинской Америке. А он ему нужен, этот самый детский труд. Для прогресса и роста ВВП, чтоб его. Чего ты ждешь от существа, придумавшего концлагеря?

— От него я ничего не жду, — глухо процедил Джим. — А чего ждать от нас? Мы правда это сделаем?

— Хочешь, бросим монетку? — малодушно предложил я, доставая из кармана золотой крюгерранд. — Орел — я, решка — ты. Сделаем быстро и безболезненно. Вот, придумал — давай во сне? Она ничего и не почувствует.

— Да пошел ты! — сорвался приятель. — Я вообще не собираюсь в этом участвовать, понял? Хочет убивать женщин и детей — пусть делает сам. Он не может нас заставить.

— Не может, — согласился я. — А теперь давай подумаем о другом. О доверии. Сколько раз мы его видели после базы? Один? Он нам не доверяет. Нам дают грязную работу, чтобы проверить наши способности и держать занятыми. Мы ничего не знаем ни о его плане, ни о том, стоит ли вообще иметь с ним дело. Он говорит, что спасает планету. Но мы можем быть уверены лишь в том, что его братец мечтает ее уничтожить. А Кастор... может, он тоже гонит ее в ад, просто другим путем. И знаешь, что я думаю? Что мы должны жрать черную икру, носить костюмы стоимостью с авто и убивать всех, на кого он укажет. Даже смазливых невинных девушек. И в результате, если повезет, нам поверят. И мы проникнем в самое сердце его организации. Вот тогда и будем размышлять о том, что морально, а что нет. А до тех пор я намерен слепо следовать приказам. Понял?

— Да ты просто хренов Джеймс Бонд, — пробормотал напарник. — Кидай свою монетку.

— Ну и как нам избежать камер? — Мы уже полчаса пялились на огромный многоквартирный дом на окраине Картахены, и Джим выглядел изрядно раздраженным. Не лучший район, но и не худший. Отличный вид на воду. Проблема состояла в том, что сорокаэтажная башня расположилась на охраняемой территории. Электронными пропусками местные связи нас обеспечили, но весь комплекс был буквально утыкан средствами наблюдения. А еще там было полно охранников. Не беспринципных наемников, защищающих богатых мерзавцев, а обычных трудяг, охраняющих покой других трудяг, из среднего класса.

До сих пор мы громили расположенные на отшибе частные особняки, напялив маски. А здесь как? Пронестись через КПП, стреляя охране по ногам, взбежать на тридцать второй этаж, высадить дверь квартиры и наспиговать Марию пулями? Что ж, это вариант. Еще можно напасть на нее в больнице, или по пути туда. Так даже проще. Но на борту джета мы решили, что бедняжка не умрет во

сне. И вообще не умрет в неведении. Нужно сначала понять: почему именно она? Вряд ли Кастор выбирал жертву методом тыка. Она перешла дорогу — кому-то или чему-то. Ее беззащитность давала нам шанс пообщаться перед тем как сделать свое дело. Ну и, может, ей будет приятно услышать перед смертью, что она гибнет во имя спасения человечества.

Значит, нужно проникнуть к даме по-тихому. И так же тихо уйти. Но в этом случае на записях останутся двое одинаковых с лица молодцев, прикончивших местную святую. Вероятно, нас даже по телевидению покажут. И выяснится, что киллеры — объявленные мертвыми агент ФБР и капитан СК РФ. Очаровательная история. Мы не могли уничтожить записи сами — они передавались на удаленный сервер. И не могли загодя просить об этом подручных Кастора — это вызвало бы вопросы о том, почему мы хотим устранить леди именно так, а не иначе.

— Предлагаю оставить вопрос людям Саана. — Я уже отмел различные экзотические варианты вроде десантирования с вертолета или полета на параплане. — Просто войдем, и просто сделаем. Лысый будет брызгать слюной, но все подчистит. Скажем, что не обучены мочить добропорядочных граждан в их домах. Хочет, чтобы было без следов — пусть в следующий раз присылает фотки страшных негодяев.

В лифте мы ехали с какой-то тщедушной старушкой, испуганно прижимавшей к груди маленькую собачонку. Двое одинаковых с виду незнакомцев в темных очках ну никак не могли сойти за местных обывателей. Джим мило пообщался с ней на испанском, намекнув, что мы правительственные агенты *Estados Unidos*. В это можно было поверить, с учетом того, какое влияние янки имели в Колумбии. Симпатии к нам, правда, это не добавило, но леди хотя бы не стала визжать и звать охрану. Переходить к плану «Б» с массовой зачисткой нам совершенно не хотелось.

Вот и дверь в квартиру 3206. Обычный кусок пластика со стандартным замком. Джим оглядел коридор. Против обыкновения сегодня мы явились не затемно. Мария отработала ночную смену и теперь должна была отдыхать. Я напряг слух. Да, ровное дыхание, в квартире один человек. В соседних никого, народ на работе. Изучали ли мы, как вскрывать замки этой модели? Мозг уже услужливо подсказывал, что нужно делать. Напарник без замаха ударил в дверь ногой, и она влетела в квартиру. Что ж, есть и такой способ.

Я понял, что что-то не так, как только увидел ее. Нет, выглядела она так же прекрасно, как и на фото. Точеный профиль, белая кожа, огромные карие глаза, иссиня-черные волосы, стройная и гибкая фигура. Но одинокая девушка могла бы и испугаться, когда в ее жилище вламываются двое близнецов в темных очках. Могла бы. Но не испугалась. Легко выпорхнув из кресла, где она только что читала книгу в одних трусиках и топе, доктор Мария Монтеc быстро забормотала что-то на незнакомом языке, а у ее ладоней начали формироваться два огненных шара.

Мы замерли, с трудом веря своим глазам.

— Ну, теперь понятно, — пробормотал Джим.

— Сейчас пульнет, — предупредил я.

— Если не уберетесь, пульну, — кажется, она была несколько разочарована нашей реакцией на свои фокусы. — Эти штуки сожгут вас дотла. Вас прислал *он*?

— Во всяком случае, не «она». — Шутка получилась так себе, но и ей следовало изъясняться понятнее. — Вы о ком, сеньорита? Шары можете убрать. Не помогут.

Может, она и не была такой уж матерью Терезой. Во всяком случае, запустить два убийственных термоснаряда в незнакомцев она не постеснялась. Я отпрыгнул в сторону, и огненный шар пронесся мимо, вылетев в дверной проем и опалив стену в коридоре. Джим уклоняться не стал. Я успел подумать о том, что это очень глупо. Не факт, что она того же рода, что и Марра. Ее зажигательные бомбы вполне могли сработать. Но не сработали. В полуметре от Джима шар просто рассеялся, не оставив следов.

Ее очередь удивляться. Но сдаваться девушка не собиралась. Новая порция бормотания, воздетые ладонями вверх руки — и теперь вокруг нее клубилось уже знакомое мне голубоватое защитное поле. Мария развела руки, и поле начало расширяться. Не иначе она пыталась выдавить нас из квартиры. Джим подождал, пока мерцающая кромка подползет к его ногам, и не спеша вошел внутрь.

Девушка пробормотала проклятие, на сей раз на знакомом мне испанском, и метнулась к столу. Я дал ей схватить лежавший в ящике пистолет, после чего отобрал его так быстро, что ее палец пару секунд щелкал по воздуху, пытаясь нащупать несуществующий спусковой крючок.

— Черт, фидаты, — с отчаянием пробормотала она и рухнула обратно в кресло.

— Кто-кто? — поинтересовался Джим, вставляя на место выломанную дверь. Получилось не очень, но куда лучше, чем зияющий проем.

— Я ничего вам не скажу, — решительно заявила Мария. — Можете пытать меня сколько хотите. Я никого не выдам. А вам должно быть стыдно за то, кому вы служите.

— Есть такое дело, — согласился я. — Никакого удовольствия, знаете ли, не получаем от этого. Кстати, о ком речь?

— О светловолосом тысячелетнем ублюдке, конечно, — сплюнула девушка. — Похоже, он не много вам рассказывает, а? Вы хоть знаете, кто он?

— Ну так, примерно, — присоединился к беседе Джим. — Злобный инопланетянин, придумавший Христа. Пытающийся затащить мир в светлое будущее, занимаясь геноцидом народов. Не очень популярный среди сородичей.

— Все они одинаковые, — скривилась сеньорита Мендес. — Этот просто безумнее прочих. И настойчивее. Сколько тысяч лет он охотится на мой род... Сколько его наймитов мы истребили... и вот фидаты. Вы Невидимые? Никогда не встречала ваших. На обычных мои силы должны действовать.

— Мы вполне видимые. — Разговор принимал крайне увлекательный оборот, и Джим не считал нужным скрывать что-либо. — Мы Пятые. О таких слышала?

— Нет, — она поджала губы. — Он вас заставил? Подкупил? Обманул? Вы сражаетесь не на той стороне. Ваш род создан, чтобы бороться с ними. С ними всеми.

— Нам известны только две стороны, — пояснил я. — Ваш любимчик и его собратья на корабле. Они, судя по всему, еще хуже. Всерьез настроены уничтожить Землю и истребить человечество. Так что мы сражаемся на стороне меньшего зла. И некоторые из ваших сестер, кстати, тоже. Вы Настройщица? Думал, вы все рыжие и с зелеными глазами.

— Вы видели сестер? Сколько? — О да, ей было интересно, и еще как. Не дожидаясь ответа, она мягко рассмеялась и быстро прикоснулась к лицу. Когда она отняла руки, на нас смотрели два изумрудно-зеленых глаза. Еще одно легкое движение, и парик оказался на полу, а по плечам заструились огненно-рыжие волосы. Что сказать — брюнеткой ей было куда лучше. А после фокусов Марры у меня не было предубеждений против убийств рыжих.

— Двоих, — Джим продолжал выбалтывать информацию. — Одна работает на вашего приятеля. Зовут Маррой. Не знакомы с такой? Вторая... то ли Ирина, то ли Софи, то ли Элис. В общем, не знаем ее имени. Работает на других, с корабля. Но раньше вроде служила местному боссу.

— Я никого из них не знаю, — покачала головой Мария. — Это другой клан. Ковен, если угодно. Их привезли позже, когда мы отказались служить элтам. Много лет назад.

ГЛАВА 15

Я услышал, как на этаж прибыл лифт. Весьма невовремя. Джим тоже выглядел встревоженным. Дверь на место он пристроил, но следы взлома остались. Напрягшись чуть сильнее, я стал следить за дыханием незнакомца. Мужчина, пожилой. Страдает одышкой, но пульс ровный, никаких признаков тревоги. Зашел к себе, не дойдя до квартиры Марии. Отбой.

— Я могу одеться? — Девушка по-прежнему красовалась перед нами в одном исподнем. Напарник, похоже, успел запасть на нее еще по фото, и смущенно кивнул. Мне было все равно. Став рыжей, она перешла из категории милашек в разряд ведьм. Черт, так она и есть ведьма.

— Ковен, говоришь? — Я пытался вспомнить все сказочные истории, связанные с женской нечистью. — И много вас таких?

— Изначально было двенадцать. — Она быстро натянула джинсы и, похоже, это ее слегка успокоило. — Всегда двенадцать, на каждой планете. Хозяева следили за этим. Если девочек рождалось слишком много, их изымали и увозили учиться в другие миры. Но после Краха, сами понимаете... Каждый царек, каждый военачальник пытался захватить нас. Некоторым это удалось, многие из нас погибли. То ли они не понимали, что делают, то ли им было все равно. Мы разделились и стали прятаться. Не очень это просто, с нашей-то внешностью. Жили в лесах, в пещерах. Мы не могли больше работать так, как нужно. Не могли исполнять свой долг. Да и зачем? Чтобы помогать тем, кто на нас охотится? Вот мир и стал таким. А потом пришли светловолосые...

— Какая работа и какой долг? — перебил ее Джим. — Чем вы занимаетесь? Не приворотами же?

— Мы Настройщицы, вы же знаете. — Она была искренне удивлена его невежеством. — Наш долг в том, чтобы на этой планете все работало как положено. Где нужно — шли дожди, где требуется — дули ветра. Чтобы температура была комфортной, в морях и реках плодилась рыба, на суше размножались звери. Чтобы росли деревья, и пшеница, которую едят люди...

— А, так вы феи природы... — Я почувствовал легкое разочарование. — Думал, вы какие-то боевые киборги, созданные хозяевами для сокрушения врагов.

— Это мы можем, — мягко засмеялась она. — Вообще-то в старом мире никому и в голову не пришло бы напасть на Настройщицу. Жили мы на отшибе, и о нашем существовании знали лишь

правители. Когда хозяйева ушли и все рухнуло, пришлось учиться выживать. Мы стали брать силу планеты и использовать ее против врагов. Раньше мы предотвращали ураганы и цунами, наводнения и землетрясения, теперь мы их создавали. А еще мы плодились. Наверное, активнее, чем следовало. Многие из вновь рожденных отказывались чтить традиции. Но и силами своими толком пользоваться не умели, зато угодили в местную мифологию. Я вхожу в Исходный ковен. Мы сильнее прочих, и мы никогда не подчинимся. Поэтому вы здесь. Не знаю только, как он меня нашел...

— Так чего вы бунтуете-то? — Смысл противостояния все еще оставался для меня загадкой. — Хозяйева ушли, хозяйева вернулись. Починили бы планету, что ли. Только вчера опять было землетрясение в Индонезии, пять тысяч погибших.

— Хозяйева?! — расхохоталась она. — Так вот что они вам скормили! Нет, дорогие мачо, это не хозяйева. Это элты. Поделки, пытавшиеся оспорить их власть. За это их заперли на своей планетке, и отпечатали в генах, чтобы они не могли причинять вред другим видам... А когда хозяйева ушли, они выползли из своей норы, чтобы присвоить ошметки старого мира. Но им приходится использовать Разрушителей, ганьшийцев и тех из наших, кто примкнул к ним. Теперь они пошли дальше, и вербуют сильных фидатов. Не очень умно с их стороны, я так думаю.

Что-то из сказанного ею имело смысл, но что-то — никакого. Зачем Василевскому и Кастору таскать с собой свиту, теперь понятно. Они не просто не хотели сами пачкать руки — они не могли этого делать. Но это не то, что мы видели...

— Ошибаетесь, сеньорита. — в голову Джиму, похоже, пришли те же мысли. — Мы лично видели, как один из них казнил двенадцать человек. Оторвал им головы. А по словам прислужников, до этого убил еще десятки. Ваш же приятель угрожал нам топором. Говорил, что лично порешит, если не станем работать на него.

— Значит, это какая-то аномалия. — Она явно нам не поверила. — Мы воюем много тысяч лет, и никто никогда не видел, чтобы они кого-то убивали сами. Даже если угрожать их жизни. За них убивают Разрушители. Но какое-то время назад они поссорились, и красноглазых осталось мало. Им пришлось задействовать ганьшийцев. Но те — не воины. Хотя хитрые, гады, и умеют ладить с местными.

— А хозяйева, хозяйева-то кто? — Вопросов у меня было много, и они роились в голове, пытаюсь выстроиться в некую логическую цепочку. — Те, что над белобрысыми? Куда они делись? Книга жалоб у них есть?

— Создатели ушли давно, десятки тысяч лет назад, — грустно пояснила Мария. — Куда и почему — никто не знает. Просто исчезли. А с ними — все технологии. Назначенные ими правители передрались. А потом на Землю напали. Какая-то нечисть, и она расплодилась по планете. Мы пытались бороться, но ничего не могли сделать. Из двенадцати сестер тогда оставались только семь. Спасли нас элты. Сбросили атомные бомбы. Часть нечисти, правда, выжила. Все эти пауки, змеи, крокодилы... те, при виде которых большинство людей испытывает страх и отвращение. Мы ничего не могли сделать. Планету искалечили. А элты опять пропали на тысячи лет.

— И вернулись, чтобы подарить нам религию? — пробормотал Джим. — Очень мило с их стороны.

— Это они позже придумали, — рассмеялась ведьма. — Сначала просто хотели установить свою власть. Чтобы жить, как раньше жили хозяйева — на высокой горе. И чтобы их все почитали. Только вот многие не согласились. Клань правителей раскололась. Хозяйева ведь изгнали элтов. Очень уж те любили эксперименты над людьми. И с вирусами. Многие роды вели летописи, и помнили об этом. Они отказались служить, ну и пошло-поехало. Элты хотели привлечь нас на свою сторону, но ковен отказался. Тогда они привезли другой, с какой-то планеты. Это все только запутало. Представьте себе сверхсложный компьютер, в который одновременно пытаются пробиться две группы хакеров, чтобы подчинить его себе. Когда пришлое сестры пытаются в нем копаться, мы им мешаем. Тогда происходят... неприятности.

— Вроде землетрясений? — догадался двойник. — Так мир мучается из-за женских распрей? Не можете решить, что из вас пригожей? Побоку, что люди гибнут?

— Для нас это вопрос выживания, — холодно ответила Мария. — Если мы отдадим им контроль, они отключат нас. Наш род еще существует лишь потому, что мы сильнее их. И не надо забывать, сколько тысяч этих самых людей ваш новый хозяин сжег на кострах, пытаюсь добраться до нас. Кстати, ни одна ведьма, если уж угодно нас так называть, при этом не погибла. Нас, знаете ли, довольно сложно связать и сжечь или утопить помимо нашей воли.

— А о нас ты что знаешь? — я спешил задать свои вопросы. Беседа получалась прелюбопытной, но не могла длиться вечно. Саан заинтересуется, почему это убийство заняло столько времени. План оставался в силе, и по глазам Джима я понял, что он не станет путаться под ногами. Святая не была

святой — просто удобная маска. Она вообще не считала, что принадлежит к человечеству, ведя свою войну за давно исчезнувших хозяев. Ее сородичи убили миллионы в природных катаклизмах. Если Кастор желает от них всех избавиться, чтобы его рыжие занялись починкой планеты — я не против помочь.

— Вы фидаты, — она отнюдь не была душой, и по слегка учащенному дыханию я понял, что Настройщица готовится выкинуть какой-то фокус, чтобы избежать смерти. — Хозяева создали вас, когда элты восстали. Чтобы подобного не повторялось. С виду вы обычные, ничем не выделяетесь. Но вы должны следить за порядком. Тайно. С обычными фидатами мы сталкивались. Конечно, они быстрые и сильные, но мы можем от них защищаться. Есть старая легенда о Невидимых — командирах фидатов, на которых чары не действуют. Планета не дает причинить им вред, так заложено хозяевами. Ни о каких Пярых я никогда не слышала.

«Ulysse Nardin» Джима тихо пискнули. Полчаса с момента, как мы войдем на территорию — таков был уговор. Она тоже услышала. И поняла. Ее правая рука сделала резкий рубящий жест. Я мог остановить ведьму, но не стал этого делать. Она не способна причинить нам вред, и мне было любопытно, какие еще фокусы есть у нее в рукаве. Ударная волна мягко обогнула нас, а вспышка и грохот не смогли оглушить. Но окно за спиной Марии разлетелось вдребезги, и прежде чем я успел понять ее замысел, она прыгнула вниз с тридцать второго этажа.

Я выглянул наружу, чтобы посмотреть, куда упало тело. Не очень удачно — сбежится народ, да и грохоту было на всю округу. Я-то думал, мы тихо придавим сеньориту, а Саан подчистит видеозаписи до того, как найдут труп. Сейчас же появится ребяшня с коммуникаторами и пойдет постить фото по сети. Сложно будет не попасть в кадр. Но переживал я зря. Никакого тела у подъезда не лежало. Доктор Мария Монте как раз неспешно перелетала ограду комплекса, зажав между ног стойку оконной рамы.

— Нужно было стрелять. — Напарник был недоволен, и я хорошо его понимал. — Ты мог достать ее, пока она не скрылась за деревьями.

— А сам-то что медлил? — возразил я. — Ты видел все то же самое.

— Я решка, — продолжал придирается он. — Выпал орел. Работа была твоей.

Я подумал о том, почему промедлил. Версия «Не хотел поднимать шума» уже была озвучена и отвергнута. Кстати, зря. В любом случае, именно ее я собирался скормить Саану, а через того — Кастору. Действительно, устроив пальбу по летящей ведьме, мы неизбежно засветились бы. А так нам удалось незаметно ускользнуть из развороченной квартиры.

Миссия провалилась, объект бежал, но я точно знал, что ответить на любые придирки. Нас не предупредили о том, на кого мы охотимся. И тем более, что Настройщицы могут летать. Спорили мы в пентхаусе, любезно предоставленном в наше распоряжение каким-то высоким полицейским чином. Является ли он членом организации Кастора, или просто польстился на хорошие деньги, предоставив укрытие парочке киллеров, мы не знали.

Я не слишком жалел о промашке. В конце концов, мы вполне мило пообщались с Марией, прежде чем решили ее удавить, а та — сигануть в окно и умчаться на эрзац-метле. Я не сомневался, что мы еще встретимся. Никто из элтов мне не нравился, а враг врага мог оказаться полезным другом. Пусть и рыжим.

Что теперь? Новая миссия, или нас заставят гоняться за сеньоритой Монте до победного конца? Пошлют за ее сестрами? Даже если Кастор вычислил их всех, сейчас они наверняка активно прячутся. Я посмотрел на свои «JLC». Прошло уже полтора часа после покушения. Знает ли Саан? Мы ему не звонили, но у пришельцев глаза и уши везде. По телевидению успели передать новость о взрыве газа в жилом доме на окраине. Жертв нет. Очень мило. И очень похоже на работу нашего куратора.

Коммуникатор загудел, предлагая перевести входящий звонок на большой экран в гостиной. Легко на помине. Не утерпел, сам вышел на связь.

— Вы почему не отчитались? — зловеще прошипела лысая голова, украшенная традиционными темными очками. — И почему цель жива?

— Не отчитались потому, что не о чем, — лениво пояснил я, закинув ноги на пуфик у дивана. — А цель жива, потому что кое-кто не дал нам нужной информации. Типа той, что мы идем в гости к Настройщице. И что они умеют летать. А мы — нет. Или тоже умеем? Хм, не приходило в голову попробовать.

— Она не должна была навредить вам, — башка в мониторе несколько снизила тон. — Так что ее природа к делу не относилась.

— Так она и не навредила, — Джим вышел из кухни, на ходу пожирая украденный в холодильнике сэндвич. — Просто улетела.

— Она знает, кто вы? — поджал губы Саан. — Это крайне неудачный исход.

— Конечно же, знает, — огорчил я его. — Пыталась угостить нас и огненными шарами, и силовым полем, и шоковой волной.

— О чем вы говорили? — Фу, какая незатейливая ловушка с его стороны. Или он уже успел сличить время на камерах, и обнаружить, что мы пробыли с ней куда дольше положенного?

— Да ни о чем, собственно. — Лучшая ложь — та, что приправлена правдой, и я охотно добавил: — Как увидела, что ее фокусы не работают, заорала, что мы фидаты. И что нам должно быть стыдно. Что вы с ней не поделили? Думал, Настройщицы на нашей стороне.

— Настройщицы всегда на своей стороне, — пробурчал ганьшиец. — Эти и Марра — из разных родов. Им поручали следить за планетой, но они не справились. Увидев это, хозяин привез предков Марры. Только им сложно делать свою работу, когда постоянно мешают. К тому же после прилета братьев хозяина часть клана Марры откололась и ушла на корабль. Теперь борьба между Настройщицами невозможна, наших слишком мало. Тогда хозяин решил привлечь вас...

Прекрасно. Стоило облажаться, и мы получили свой вечер откровений. Не иначе фиолетовоглазый боялся получить пинка от босса из-за того, что не снабдил нас всей нужной информацией, отправляя на задание. Неожиданно в кадре за его спиной появилось лицо Марры.

— Улетела, говорите? — Она привычным жестом облизала губки. — Сильная, значит. Мы так не умеем. Нет такого доступа.

— Как это вообще возможно? — встрял Джим.

— Ну, везде есть потоки энергии, силовые поля. — Я не ожидал, что она станет отвечать, но разговоры о профессии, похоже, доставляли ей удовольствие. — Вы их не видите, не можете ими управлять. А Настройщицы могут. Нужно просто оседлать правильную линию, а главное — удержаться на ней. Для этого нужен неодушевленный предмет, чтобы задавать направление. Палка какая-нибудь. Но нужно много тренироваться. И доступ. Проблема Земли в том, что здесь нет ковена. Эти, которые издревле здесь, именуют себя ковенном, но это ерунда. Вообще должно быть двенадцать, и у каждой — своя функция. Это ж в генах зашито. Если меньше, нет баланса. А для того, чтобы иметь полный доступ, ну типа как у админа, нужно как минимум девять. Это уже сила. Вместе они могут наделать дел. Мало кто устоит перед ними на поверхности, в воде, или в атмосфере. И они будут знать, где мы находимся. Мы, хозяйева, Саан вот, ЛГил, да вообще любой, кто не с этой планеты. Тогда нам точно придется убираться отсюда. Сейчас мы только чувствуем друг друга. Знаем, сколько нас.

— И сколько же их? — поинтересовался Джим.

— Их было семь. Всегда семь, уже очень давно. Все думали, что пять родов погибли. Тогда хозяйева привезли другие пять на замену. Но сучки нас не приняли. И хозяев тоже. Так мы и воевали — пятеро против семи. Не очень активно, вообще-то. Хозяин пытался их отловить, но не сильно преуспел. Сейчас нас трое, Дерра и Аирра ушли на корабль. Испугались. А у местных наоборот, в прошлом году восьмая объявилась. Мы почувствовали. Никто не знает, где они ее раскопали. Всяких потомков, конечно, много могло наплодиться. Кого-то из пяти сгинувших, по слухам, в гаремы забрали черт знает сколько тысяч лет назад. Говорят, даже разводиться их пытались. Только нам недостаточно родиться. Нас, как и вас, нужно пробуждать. И обучать.

— То-то хозяин ваш задержался. — Пазл в моей голове почти окончательно сложился. — Если они найдут еще одну, то образуют ковен, так? И его великому плану кирдык. Придется бежать с планеты, а они захватят власть.

— Все так, — наконец соизволил присоединиться к беседе Саан. — Никто не планировал вас пробуждать. Есть мусор, который лучше держать замеченным под ковер. Например, существ, которые могут убивать хозяев. Конечно, за два года те, что на корабле, узнали достаточно о нашей организации. Чтобы уничтожить ее, вы не потребовались бы. Но когда у местных объявилась восьмая Настройщица, а у нас остались только три, хозяин потребовал выдать вас. И знаете, почему другие согласились? Не потому, что думали, что он отпустит заложника или причинит тому вред. Вас отдали нам, потому что хозяйевам с корабля тоже не нужен ковен на планете. В других мирах Настройщицы тихо живут, занимаясь своими делами. Но ваши... ваши после тысяч лет гонений точно попытаются захватить власть. У них своя древняя секта, и немаленькая.

— Значит, Алекс был прав, — разочарованно резюмировал Джим. — Все, что было до сих пор — лишь проверка. Мы должны охотиться на Настройщиц, так? И скольких же нам следует убить?

— Да вы хоть одну отловите, — ухмыльнулся Саан. — Первый блин комом. Но мы следим за их организацией. Сможем дать вам наводки. Придется попотеть, раз сегодня не вышло. Устранять всех не нужно. Это опасно, в конце концов. Наши трое не смогут поддерживать планету должным образом. А подкрепления ждать не приходится. Главное, чтобы их оставалось меньше девяти. Хозяин тысячи лет

думал, что семь — это их предел. Но появилась восьмая. Значит, может возникнуть и девятая. Человечеству не захочется жить под властью ведьм, уж поверьте. А главное, если ковен так усилится — хозяева... элты, скорее всего, полностью уничтожат планету. У них и так забот немало. Не хватало еще помешанных на власти Настройщиц.

ГЛАВА 16

— Я ждал, что ты объявишься раньше. — Стоцкий сел на кровати и стал шарить рукой вокруг, пытаясь нащупать то ли выключатель, то ли лежавшие на тумбочке очки. А может, и пистолет, спрятанный под соседней подушкой. Его я изъял заранее. Зачем нам дуэли, заведомо проигрышные для старика? Свет мне нужен не был. В темноте я теперь видел ничуть не хуже, чем при свете дня.

— Был немного занят, — пояснил я. — Меня похитили, потом пытали, потом заставляли заниматься всякими мерзкими делишками. И к одному из них прилагалась пара адресов в славном городе Москве. Тут я и подумал — как же не навестить старого друга семьи. Который наплел тебе всякого бреда, чтобы усадить в самолет в никуда.

— Ну что я могу сказать тебе? Работа у меня такая. — Генерал выглядел совершенно спокойным. Правда, как я выяснил, семья с ним не жила довольно давно. Отправил всех в Сочи на следующий день после того как я поднялся на борт джета Василевского. Неужели действительно думал, что я приду по его душу?

— И какая же часть работы заставила генерала ФСП отправить капитана СК в рабство? — поинтересовался я. — Точнее, сколько это нынче стоит в денежном выражении?

— Так ты не знаешь? — Старик наконец нашел очки и водрузил их на нос. Его рука замерла у выключателя. То ли боялся включить свет без разрешения, то ли опасался того, что увидит.

— Суммы-то? Нет, конечно. Мог бы спросить у своих новых друзей, да не хотелось посвящать тех в личные дела. Ведь у нас личные дела, Константин Сергеевич? Я воспринимаю предательство очень лично. А вы одним махом предали и меня, и службу, и страну. Стыдно, в вашем-то возрасте.

— А вот здесь ты заблуждаешься. Я никого не предавал. Всего лишь выполнил свой долг. — Он наконец решился включить свет, и под потолком ярко вспыхнула люстра. Шторы я предусмотрительно задернул загодя. Со старого лиса вполне станется посадить снайпера на крыше соседнего дома.

— Долг перед кем? — Вообще-то я и подозревал, что все не так просто. У белобрысых наверняка бездонные карманы, но я с трудом представлял себе Стоцкого коррупционером. Руки на службе он грел, как и все остальные, но свое положение занял именно благодаря репутации человека твердых принципов. Пусть многие из них и сводили время от времени людей в могилу.

— Древний долг, юноша, — вздохнул собеседник. — Настолько древний, что и представить себе трудно. Всю жизнь его выполнял, думая, что это ерунда какая-то. Сказки дедовы. Так, хобби. Дань уважения предкам. А три года назад пришли они. И предъявили свои права. Сложно, знаешь, не верить, когда над Землей висит их тарелка с город размером.

— Понятно. — Слова старика проясняли многое, но не то, кто он сам. — А ваш род чем славен? Умеете пуляться огненными шарами? Читаете мысли? Превращаете свинец в золото?

— Чего? — Стоцкий обеспокоенно посмотрел на меня. Может, подумал, что у гостя съехала крыша. Возможно, это было не так уж далеко от истины.

— Нет, ничего такого, — наконец ухмыльнулся он. — У нас сверхспособностей нет. Мы — хранители, просто хранители. Когда хозяева тысячи лет назад решили поселить на Земле четырех... всадников, к каждому приставили по семь родов. Чтобы следить за ними и их потомством. Оберегать их самих и их тайны. Как, по-твоему, вы дожили до наших дней, через все войны и бедствия? Тысячи хранителей пожертвовали собой, чтобы ты, Александр Евгеньевич, восседал сейчас тут в своем дорогом костюмчике с самодовольной мордой. И думал: прибить тебе бедного старика, как муху, али нет.

— Еще один тайный культ, — вздохнул я. — Ну и сколько же вас всего расплодилось за эти тысячи лет? Не все же погибли смертью храбрых. Как много бойцов в вашей армии?

— Достаточно. — Генерал определенно собой гордился. — Выжили три рода. Нас сотни. И это не моя армия, ошибочка. Я просто на госслужбе продвинулся дальше других.

— Так кто у вас главный?

— А зачем тебе это? — Стоцкий с недоумением посмотрел на меня. — Наша миссия закончена. Охранять вас до тех пор, пока хозяева не вернуться, и вы не исполните свое предназначение.

— Что, серьезно? — У меня были основания относиться к его словам скептически. — Распустили такую сплоченную организацию? Торжественное собрание хоть состоялось? Врете ведь, Константин Сергеевич.

— Никто и не говорил, что распустили, — усмехнулся генерал. — Ты прав, вместе сподручней. Большинство из нас на государственной службе, во всяких органах. С корочками ведь легче охранять объект, и оружие при себе на законных основаниях. Есть врачи — на случай, если придется кого-то тайно лечить. Есть технари, пилоты, мастера почти на все случаи жизни... Часть живет в Убежище — это то место, куда тебя должны были переместить, если объявятся какие-то враги. Но и нашим иногда приходится там прятаться...

— Вот и славно, — подытожил я. — У вас есть тайная организация, состоящая из тренированных бойцов. Есть фонды, ресурсы, инфраструктура. Мне все это нужно.

— Пойдите-ка, юноша, — генерал сморщил лоб, переваривая мои слова. — А на каком основании вы все это требуете?

— На том, что ваш род создан для того, чтобы охранять мой, — холодно пояснил я. — Вы имеете какие-то другие инструкции от хозяев? Они что, прямо вам заявили, что вы освобождаетесь от всех обязанностей? Велели не оказывать мне содействия? А вас не беспокоит, что тысячи лет истории были потрачены впустую, если мне не удастся выполнить свою миссию?

— Нет, они ничего такого не говорили. — Теперь Стоцкий выглядел совершенно растерянным. — Мы не ожидали, что ты вернешься. Точнее, я думал, что ты можешь захотеть отомстить... но работать вместе? Под твоим командованием? Хозяева не дали никаких распоряжений.

— Тогда их даю я. — Новые силы придавали уверенности в себе, а генерал откровенно тушевался под моим напором. — Я работаю непосредственно на хозяев, так? Значит, я их представитель, и вы обязаны мне подчиняться хотя бы поэтому. Не говоря уже о тысячелетиях служения моему роду.

Я был уверен в том, что элты не стали просвещать хранителей относительно отколовшегося Кастора, или о том, что я принял сторону ренегата. Как и в том, что у Стоцкого и его друзей нет кнопки связи с кораблем. Высшая раса полагала их отыгранным активом. А вот нам с Джимом подспорье не помешало бы.

— Мне нужно согласовать это с остальными. — Кажется, генерал принял мои аргументы, и теперь его мозг переключился в практическое русло. — Конечно, лучше бы услышать все это непосредственно от хозяев. Но я понимаю, они заняты...

— Еще как заняты, — подтвердил я. — Поэтому им и нужен я. А мне нужны вы. Передайте вашему главному, что я хочу с ним встретиться. Завтра, поскольку я не планирую пробыть в Москве долго. С этим будут проблемы?

— Нет, она здесь, — машинально ответил собеседник. — У тебя какие-то срочные задания?

— Пока справлюсь сам, — успокоил его я. — Но задания могут возникнуть в любой момент. И раз уж я попал в родной город, не могу не спросить — кто пытался убить меня в прошлый раз?

— Вам не сказали? — пробормотал он. — Неужели они сами не знают? Четыре всадника, двадцать восемь родов хранителей. Сейчас, конечно, меньше. Мы не знаем личностей друг друга, но всегда существовали тайники, места для сообщений. Вдруг кому-то понадобится помощь? В конце концов, жизнь всадников — это главное. Когда-то давно мы получили весточку от одного из кланов, охранявших Смерть. У них возник раскол — некоторые кланы считали, что лишь их опекаемый достоин жить и исполнить свое предназначение. Больше они на связь не выходили.

— То есть вы думаете, что на меня покушались хранители другого всадника? — опешил я. — И как, интересно, это соотносится с заданием хозяев?

— Да никак, — пробурчал генерал. — Мало ли до чего можно додуматься за несколько тысяч лет. Вопрос, конечно, как они тебя нашли. Лично я считаю, что они следили не за тобой, а за хозяевами. За тем, кто называет себя Василевским. Может, прослушивали участок дистанционно. Тех троих мы отловили. К сожалению, взять живыми не удалось. Фанатики, что сказать. Зато выяснили, что все трое — шведы, приехали в Москву за неделю до покушения. Не знаю, как у вас там все устроено, но если вы общаетесь, ты бы потолковал со Смертью. Не иначе его ребята. Ну, чтобы убедиться, что проблем с ними больше не будет.

Кофе был просто отменным. Я не спеша потягивал его из большой кружки, любуясь видом ночного города. Расходы меня больше не волновали, и самый дорогой ресторан на крыше самого роскошного отеля воспринимался как само собой разумеющееся. Похоже, сегодня я нашел новых полезных друзей. И кое-что узнал о новых врагах. Обидно, конечно, когда тебя за глаза именуют Чумой. Франческа и Джим, очевидно, были Голодом и Войной. А Смерть была шведом. Нет, шведкой, раз уж нас должны были возвращать попарно. Но фанатики среди ее хранителей явно победили, и спрятали девушку так, что даже всемогущие элты уже три года не могут ее найти.

Как им, черт побери, удастся следовать за пришельцами? Я склонялся к тому, что Стоцкий прав. На Франческу никаких покушений не совершалось, но она была первой. Возможно, в этот момент они каким-то образом начали следить за Василевским и попытались убрать меня. Почему избежал покушений Джим? Потому что мои хранители нейтрализовали ликвидаторов? Неужели у фанатов Смерти такая маленькая организация? Хотя она могла сильно пострадать от междоусобицы...

— Добрый вечер, — Макс шлепнулся на стул напротив меня и ленивым жестом подозвал к себе официанта. — Мне, любезнейший, салат из свежих овощей и стейк из акулы. Нет, вина я не буду, принесите-ка водички.

— Сколько лет, сколько зим. — Я был почти рад его видеть. — Что, научились нас отслеживать? Или просто заняты были сильно, не находилось времени пообщаться?

— Отслеживать вас не проблема, — покачал головой ганьшиец. — Но мы этим не занимаемся, ибо таков уговор с тем, кого вы знаете как Кастора. А вот следить за вашими хранителями уговор не запрещает. Мы предполагали, что вы рано или поздно объявитесь в Москве и свяжетесь со Стоцким. Не волнуйтесь, мы настроены исключительно миролюбиво. И всецело поддерживаем вашу миссию.

— Это вы о рыжих, что ли? — уточнил я. — Что ж их, бедных, все так не любят? Так зачем пожаловали? Будете к себе сманивать, или помощь предложить собираетесь?

— И то и другое, — решительно кивнул пришелец. — Боюсь, у вас и ваших... коллег могло сложиться неверное впечатление о ситуации после общения с Кастором и его братом. Не просветите, каким образом ему удалось убедить вас сотрудничать?

— Сцена отрывания голов бедным десантникам в исполнении его брата была очень убедительна, — не стал запыряться я. — Вкупе с монологом о том, что человечество нужно стереть с лица Земли. Мы пока что считаем себя людьми, а Кастор вроде как пытается нас спасти. Несмотря на свои жутковатые методы.

— Ясно, — Макса передернуло. — Мы подозревали что-то подобное. Вы должны понять... Кастор и его брат — они не такие, как остальные хозяева.

— Да я понимаю, понимаю, — успокоил я ганьшийца. — Только они могут отрывать нам головы. А остальным приходится для этого использовать вас.

— Это большой семейный секрет, — ухмыльнулся собеседник. — Но хорошо, что вы знаете. Действительно, хозяева не могут убивать сами. Лишь отдавать приказы. Все, кроме этих двоих. Собственно, благодаря этому они и заняли свое высокое положение в хозяйской иерархии. Вы же не захотите ссориться с человеком, который может вас убить, а вы его — нет? Это не значит, что прочих такая ситуация радует. Между нами, на самом деле их устроит, если эта парочка вообще исчезнет.

Конец ознакомительного фрагмента

**Читайте «Наместника» и другие романы Артема Бука
на авторском сайте www.artembuk.com**